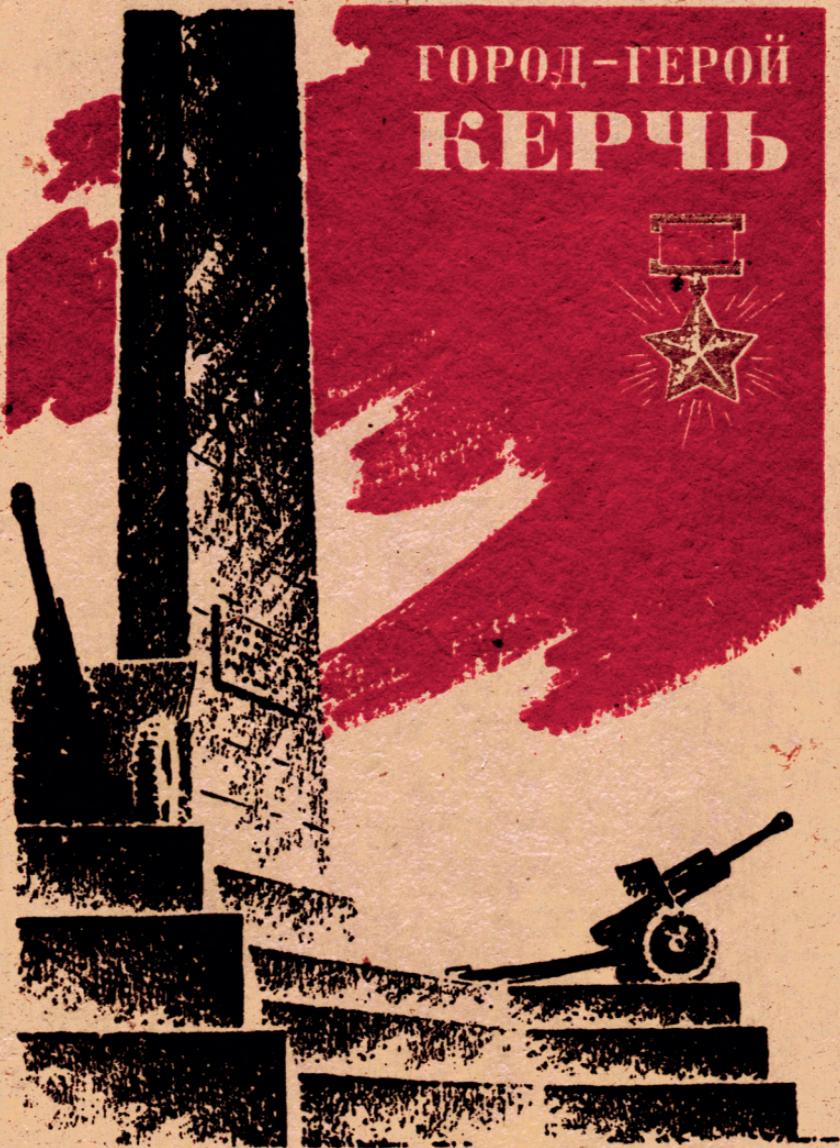

ГОРОД-ГЕРОЙ
КЕРЧЬ

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Аджимушкayские каме

Багерезо

Войково

Курган Куль-Оба

КЕРЧЬ

Курган Кара-Оба

Золотой курган

Илураг

Аршинцево

Приозерное

Героевское (Эльтиген)

Керчь

Осовинны

ноломни

Глазовака

Крым

рский курган

Еникале

и
р
о
л
и
в

Кавказ

и

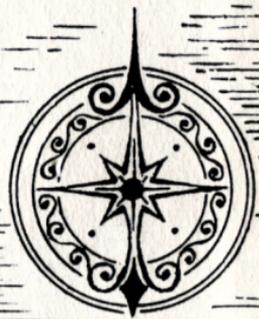
и

и

и

и

и

Тамань

С. СЛАВИЧ

ГОРОД-ГЕРОЙ

Ж Е Р Ч Ь

ОЧЕРК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Издание 2-е, дополненное

Издательство «Таврия»
Симферополь
1976

Город-герой Керчь с честью выдержал тяжелые испытания, выпавшие на его долю в годы Великой Отечественной войны. Легендарные подвиги совершили на этой земле советские люди. Бессмертный гарнизон Аджимушкая, десантники Эльтигена, воины Отдельной Приморской армии, окончательно освободившие город от фашистских захватчиков, вписали незабываемые страницы в летопись мужества нашего народа.

Писатель С. Славич увлекательно, с любовью рассказывает об основных этапах истории, развития, многогранной жизни крупного индустриального города на востоке Крыма, важного порта, одного из центров морского и океанического рыболовства, о керчанах — строителях, металлургах, рыбаках, корабелях, ученых — наших современниках.

С 20904-011 24-76
М216[04]-76

© Издательство «Таврия». 1976

**УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР**

**О присвоении городу Керчи
почетного звания «Город-герой»**

За выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные трудящимися Керчи и воинами Советской Армии, Военно-Морского Флота и авиации в годы Великой Отечественной войны, и в ознаменование 30-летия разгрома фашистских войск при освобождении Крыма присвоить городу Керчи почетное звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль, 14 сентября 1973 г.

Вручение городу-герою Керчи ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Керчь — город-герой!..

Трудно представить себе ликование, которое охватило и керчан и ветеранов, воевавших на керченской земле, когда был обнародован указ об этом. В замечательном созвездии городов-героев сияло еще одно имя. А некоторое время спустя высокой награды — ордена Отечественной войны I степени — была удостоена Керченская городская комсомольская организация. Достойное признание вклада наших воинов, партизан, подпольщиков, молодежи, всех трудящихся Керчи в дело разгрома гитлеровских войск в период Великой Отечественной войны!

Город расцвел флагами и огнями.

Это стало праздником не только керчан, но и всех крымских жителей: в Крыму теперь два города, отмеченных высшими ратными наградами Родины. Не случайно одним из первых прислал поздравления новому городу-герою легендарный Севастополь: в году военных испытаний они стояли рядом.

Это стало знаменательным событием для всего Краснознаменного Черноморского флота, боевой путь которого в Великой Отечественной войне отмечен славными вехами: Одесса, Севастополь, Керчь, Новороссийск.

Это всколыхнуло не только ветеранов, но и молодежь: вот в каком городе мы живем и работаем!..

Глубоко знаменательно то, что звание города-героя Керчь получила одновременно с Новороссийском. Новороссийск был следующим после Керчи и последним на Черном море оборонительным рубежом наших войск, отсюда они, разгромив врага, пошли «вперед, на запад». Среди частей и соединений, освобождавших Керчь, было немало отличившихся в боях за Новороссийск.

... Городом-крепостью, у стен которой не раз происходили кровопролитные битвы, Керчи довелось быть на протяжении почти всей своей истории, однако

испытания, выпавшие на ее долю во время Великой Отечественной войны, были особенно тяжелы. Город выдержал их с честью.

Само стратегическое положение Керчи отводило ей важное место в планах и нашего и вражеского командования. Четырежды прокатывался через город фронт, и всякий раз шли ожесточеннейшие сражения, которые навечно вошли в летопись мужества советского народа, ознаменовались подвигами тысяч бойцов. 134 из них стали Героями Советского Союза. 135-м Героем по праву стала теперь сама Керчь.

С осени 1941-го по весну 1944 года она была фронтовым городом. Враг не знал тут ни дня покоя, опасность подстерегала его повсюду. Даже когда наши части отступали и гитлеровцы захватывали полуостров, борьба на керченской земле продолжалась. Ее вели подпольщики, партизаны, бойцы, уходившие в каменоломни. В ряды сражающихся становились старики, женщины, дети. Иной раз целые семьи — от мала до велика — поднимались на бой.

Орден Ленина и «Золотая Звезда» на городском знамени — это награда за бесстрашие участников знаменитого Керченско-Феодосийского десанта, за стойкость, верность воинскому долгу защитников Аджимушкая, за беспримерную храбрость эльтигенцев и мужество воинов Отдельной Приморской армии, окончательно освободивших Керчь.

Привычные слова: город революционной, боевой и трудовой славы — на суровой, хотя по-своему и прекрасной керченской земле звучат особенно весомо.

Еще на заре нынешнего века, одновременно с рабочими крупнейших городов тогдашней России, во весь голос заявили о себе забастовками, стачками, политическими выступлениями против самодержавия керченские пролетарии — металлурги, рыбаки, рудокопы, моряки, добытчики соли. Они поднялись на

борьбу за Советскую власть в годы гражданской войны и, победив, дружно взялись за восстановление разрушенного хозяйства, превратили свой город в один из важных индустриальных центров на юге страны.

Вот они, истоки, корни массового героизма, которым прославилась Керчь в годы великой битвы с фашизмом.

Керчь поразительно многолика. Новые кварталы жилых домов, новые предприятия — гордость отечественной промышленности, новые порты и причалы, молодая зелень как бы ставят ее в один ряд с теми городами-подростками, у которых есть только настоящее и будущее. А ведь она древнее Киева, Новгорода, ее история насчитывает больше двух с половиной тысячелетий, и это — удивительная история...

С каждым годом возрастает поток людей, стремящихся сюда. Одних тянет на места былых сражений, других манят золотистые песчаные пляжи, третьих влечет своеобразная экзотика здешних мест, а многие просто хотят приобщиться к далекому прошлому. В этой книге мы постараемся удовлетворить интересы всех, рассказать о разных сторонах, особенностях жизни города. И начать этот рассказ лучше всего с краткого знакомства с его историей...

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Посмотрите на карту: заливчики и бухты под прикрытием холмов врезаются в берег как раз на стыке двух морей — Азовского и Черного.

Азовское издревле славится как рыбное море — может быть, «самое рыбное» на всей планете. А Черное — это же Понт Эвксинский, «море Гостеприимное» еще со времени древних греков. Ну как не обосноваться здесь человеку! Ведь люди издавна выбирали для жилья торговые пути и добычливые места. Будто узелки, возникали города и селения на торных дорогах, караванных тропах, вдоль рек и на бойких морских побережьях. А здесь не дорога, не тропа, а шумный перекресток — путь с севера на юг, путь с востока на запад, торжище, где встречались Европа и Азия...

Нужно ли плыть в Колхиду за золотым руном или снаряжать караваны в Семиречье и дальше — в Индию, или слать обозы за воском, медом, салом, пенькой, кожами, мехами в Московию — никак не минуешь этого перекрестка.

Следы человеческих поселений на берегах этих бухт относятся к незапамятным временам. Но такие следы встречаются и в других местах, а здесь произошло большее — однажды на заре истории обосновавшись в этих краях, люди никогда их уже не покидали. Менялись народы, общественные уклады, возвышались и свержались династии, менялись названия города — это был то Пантикапей, то Боспор, то Корчев, то Черкио, — но сам город оставался. Не раз за эти тысячелетия он лежал в дымящихся развалинах после варварских набегов, усобиц, мятежей или войн, однако неизменно возрождался, отстраивался, чтобы снова принимать и снаряжать в путь корабли и караваны, ловить рыбу, давить вино, растить детей.

С первого взгляда Керчь отнюдь не поразит ваше вообра-

жение. Нет, это не тот красочный, праздничный Крым, любоваться которым мы привыкли на цветных открытках. Летом раскинувшийся на прибрежных холмах город изнывает от зноя, осенью и зимой на него нередко набрасываются жестокие ветры чуть ли не со всех сторон, или, как говорят моряки, со всех румбов; даже питьевая вода тут жестка и солоновата, не такая уж редкость и пыльные бури. Однако ничто не может лишить Керчь своеобразного обаяния, которое неизменно снова и снова привлекает сюда каждого, кто хоть немного пожил здесь. И всякий раз вы будете открывать для себя что-то новое в облике этого поистине вечного города, который под именем Пантикапея был известен еще двадцать шесть веков назад, но как небольшое поселение существовал, несомненно, гораздо раньше.

Двадцать шесть веков — как много! Однако при этом мы начинаем отсчет только с тех пор, когда в VI веке до нашей эры на этих берегах прочно обосновались выходцы из Милета¹ — греки. Обосновались, обжились, стали чеканить монету... Но что было раньше? Ведь не мог же такой город не иметь предыстории. На нее намекает даже название, совсем не греческое название — Пантикапей. Предполагают, что на одном из древних местных говоров оно означало «рыбный путь».

Легендарная предыстория догреческого Пантикапея в том, что он был якобы основан сыном колхидского царя Айэта — братом волшебницы Медеи и внуком бога солнца Гелиоса. Того самого Айэта, к которому приплыли за золотым руном аргонавты. Ну что ж, если это так, то наш город оказывается на добрых полтысячелетия старше... Кстати, есть версия мифа об аргонавтах, согласно которой они плавали по реке Танаис — нынешнему Дону...

Пролив, на берегу которого стоит Керчь, некогда назывался Боспор Киммерийский. Здесь были Киммерийские переправы, Киммерийские стены, гора Киммерий, два города (один на кавказском берегу, другой — на крымском) с одинаковым названием Киммерик. Весь этот край в незапамятные времена назывался Киммерией. О киммерийцах упоминали в дошедших до нас сочинениях древние авторы Геродот и Страбон. Однако сами они с ними не сталкивались.

Что мы знаем об этом народе? Чрезвычайно мало.

«Отец истории» Геродот писал: «...страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам».

¹ Милет — один из крупнейших древнегреческих городов в Малой Азии.

У географа Страбона: «... киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре».

Нередко утверждают, что и знаменитые гомеровские слова из XI песни «Одиссеи»: «Достигнешь низкого берега, где дико растет... лес из раkit, свой теряющий плод, и из тополей черных... Там киммериян печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков...» — относятся тоже к нашим, крымским местам.

Как видим, даже в те далекие времена упоминание о киммерийцах было неизменно подернуто некоторой неуверенностью и легендарной дымкой. Что же мы сегодня можем сказать о них?

Об этом народе — одном из древнейших в Северном Причерноморье — упоминают многие старые авторы Запада и Востока. Но кроме таких отголосков (слова звучат, как эхо от удара мечом по медному щиту, вслушайтесь: К и м м е р и к о н), известны и вещественные, материальные следы. Это примитивные человеческие фигуры, грубо вытесанные из камня, которые уже в V веке до нашей эры использовались просто как строительный материал при кладке стен, это топоры из шлифованного камня и бронзы (на одном из них изображены бык и солнце), это обломки посуды. Они созданы не скифами и не греками, а гораздо раньше — по-видимому, киммерийцами. Им же приписывают грандиозную циклопическую кладку керченского Золотого кургана. Крепиды — опорная стена курганной насыпи — сложена из громадных глыб. Они и сегодня поражают размерами. Огромность стены (сейчас она разрушена, а в начале прошлого века достигала в высоту 12 метров), величественный вид самого кургана, насыпанного человеческими руками, не случайно вызвали сравнение с египетскими пирамидами.

Нет, о киммерийцах не скажешь, что они сгнули «аки обре», исчезли, не оставив следа.

А потом были скифы...

Греки вначале пришли сюда как гости (вспомните, в старину слово «гость» означало также купца, чаще всего чужого, заморского). Заинтересованность в торговле была обоюдной, поэтому скромные сперва фактории расцвели, разрослись, стали городами. Главенствующую роль среди них в своей округе приобрел Пантикапей. Близлежащие греческие города Нимфей, Тиритака, Киммерик, Китей, Мирмекий, Порфмий тяготели к нему.

Новое развитие получили земледелие, скотоводство, рыбный промысел, а затем и ремесла. Появились склады, винодельни, каменоломни, гончарные, литейные, столярные, кожевенные, ювелирные мастерские, кузницы, верфи, причалы. Между тем жизнь на самом краю античного мира была беспокойной.

Греческие города в какой-то степени были крупинками, прилипшими к краям кипящего варварского котла, где перемешивались народы, бурлила сложная и противоречивая среда. По изящному выражению Цицерона, они представляли как бы кайму, подшитую к обширной ткани варварских полей. Кстати, само слово «варвар» воспринималось тогда не так, как сейчас, оно просто означало человека иного, негреческого языка, иной культуры...

Истины ради скажем, что «крупинки» были непростыми. Подобно зернам перца, они придавали содержимому этого житейского котла и своеобразный аромат и привкус. Но, так или иначе, приходилось строить оборонительные стены, валы, содержать гарнизоны. Совсем не случайно в пантикапейских захоронениях VI—V веков до нашей эры находят оружие — древние обеспечивали своих покойников тем, что считали совершенно необходимым при жизни.

Не следует думать, однако, что население городов было однородно греческим. Окруженные племенами скифов, меотов, синдов города не могли не пополняться представителями этих народов. На протяжении столетий создавался своеобразный этнический и культурный сплав. Происходило взаимовлияние, взаимопроникновение, которое обогатило нас подлинными шедеврами архитектуры, строительства, изобразительного искусства.

Черноморские колонии снабжали Грецию хлебом, поставляли рабочую силу — рабов, в трудных обстоятельствах, случалось, помогали метрополии и сами прибегали к ее помощи. На берегах Понта выступали прославленные греческие ораторы (их искусство высоко ценилось в те времена) и артисты, здесь работали первоклассные зодчие, живописцы, чеканщики, ювелиры, резчики. Связь с Элладой, которая шла в авангарде тогдашнего мира, была тесной. В то же время Причерноморье внесло свой вклад в развитие культуры. Местные мастера не просто следовали греческой традиции, но и привносили в работу немало своего, самобытного.

К сожалению, многие прекрасные произведения не дошли до нас, но и то, что сохранилось, оставляет неизгладимое впечатление. Великолепные дворцы, храмы, многие скульптуры, росписи, литературные памятники утрачены навсегда. Однако, как это не раз случалось в истории, удивительно обрззную и наглядную картину жизни, некогда кипевшей на наших берегах, помогли восстановить и представить захоронения, некрополи — города мертвых.

Керчь окружена курганами. Поросшие степной травой и люточками, многие из них на протяжении столетий были овеваны преданиями и легендами о якобы укрытых под землей несметных сокровищах. Отдельные интересные находки и в самом де-

ле случались, давали пищу этим разговорам. Ведь еще в начале прошлого века в Керчи хорошо были видны остатки древних крепостных стен и построек. Но город рос, застраивался и, как некогда киммерийские изваяния легли простыми камнями в стены греческих городов, так теперь остатки греческих построек становились обыкновенным строительным материалом. Руки ученых еще долго не доходили сюда. Первые археологические раскопки были проведены в Керчи в 1816—1817 годах. Несколько раньше была сделана попытка собрать вместе найденные древности — в 1810—1811 годах в Керчи возник частный музей П. Дебрюкса, преобразованный в 1826 году в государственный музей (до этого он назывался «музеем древностей»). Это один из старейших музеев страны. Забегая вперед, скажем, что сейчас в его залах, филиалах и хранилищах множество экспонатов, иллюстрирующих всю многовековую историю Керчи от глубокой древности до наших дней. Здесь, в частности, собрана богатейшая коллекция ручек от амфор с клеймами гончаров — эти клейма помогают установить характер и масштаб экономических связей Боспора с окружающим миром. В Керченском историко-археологическом музее много скульптурных произведений, предметов быта. Особую ценность представляет лапидарий — хранилище надписей, вырезанных на камне, каменных архитектурных деталей и надгробий.

Начало раскопок и открытие музея — факты примечательные, но ассигнования на все это были мизерными, многие памятники находились на частных землях, и вообще изучение старины едва ли поднималось над уровнем любительства.

А в 1830 году произошла подлинная сенсация. Ломая неподалеку от Керчи камень для строительства казармы, рабочие совершенно случайно наткнулись на склеп с захоронением скифского царя. Курган Куль-Оба, где это произошло, приобрел всемирную известность. Да и не мудрено. Найденные здесь сокровища могли бы стать украшением любого музея. В ленинградском Эрмитаже они легли в основу замечательной коллекции древностей Боспора Киммерийского, хранящейся в особой кладовой. И дело тут не только в обилии золота, серебра и электра (сплава золота с серебром). Все эти диадемы, браслеты, бляшки, сосуды, гривны¹ и многие другие украшения являются подлинными произведениями искусства, бесценными свидетельствами о том, как жили и чем занимались люди в давно прошедшую эпоху.

Скифские всадники, изображения античных божеств, борющихся зверей, реальных и фантастических животных, сцены по-

¹ Г р и в н а — шейный обруч, украшение из драгоценного металла.

ходного воинского быта скифов приоткрывают перед нами и картины повседневности, и верования, представления тех далеких времен.

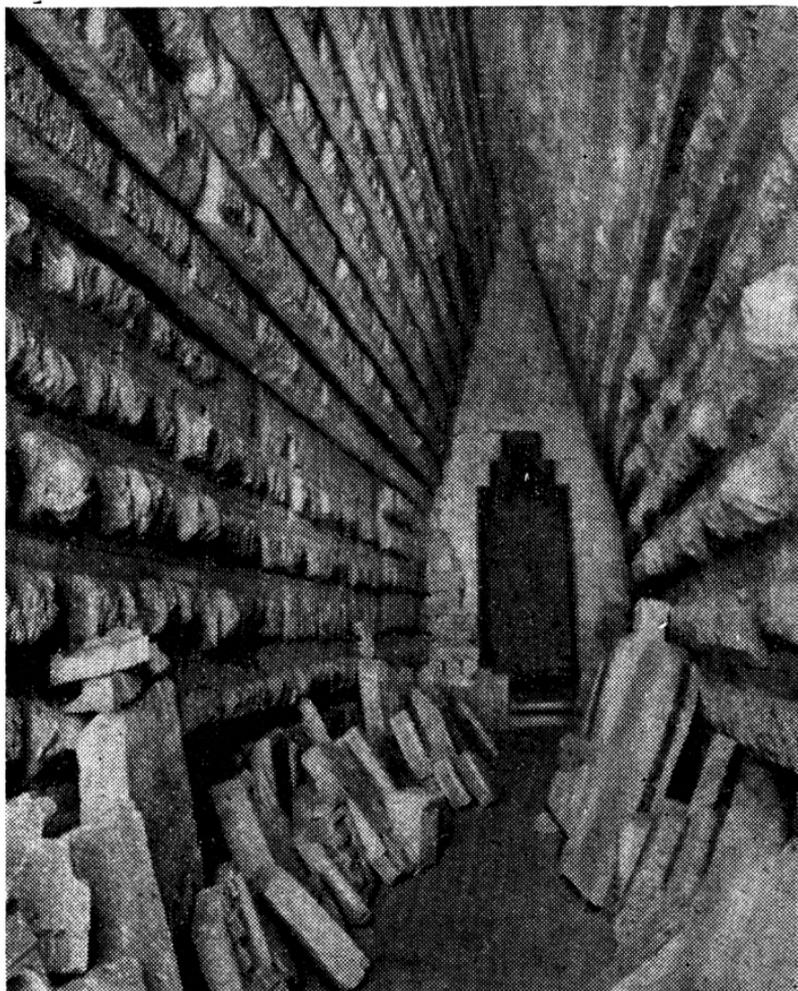
Происходит чудо: как бы из небытия возникает сложный и богатый духовный мир человека. С одной стороны, строгий реализм, обилие бытовых подробностей, динамизм и пластичность рельефных изображений на ритуальном электро-вом сосуде, а с другой — вычурность, ювелирная изощренность золотой височной подвески. И тут же — стилизованное чеканное изображение оленя, причудливо покрытое в свою очередь изображениями других животных...

Золотой блеск куль-обских находок, извлеченных из тьмы подземелья, ослепил многих. Предания о древних кладах получили новое подтверждение. Это пробудило интерес к археологии, но в то же время вызвало волну безудержного хищничества. Искали главным образом золото. А ведь для понимания истории невзрачный на первый взгляд глиняный черепок иной раз значит не меньше, чем эффектная золотая вещица. Между тем черепки, терракотовые статуэтки, предметы быта нередко грубо растапывались. Раскопки носили характер азартной охоты за сокровищами. Курганы перекапывались торопливо и безжалостно. Впрочем, драгоценных предметов старины было найдено и в самом деле немало. Здесь и перстни (некоторые из них поистине уникальны), и золотые венки, золотая маска царя Рескупорида III, килограммовый золотой сарматский шлем, фибулы-застежки, ожерелья, браслеты, серьги — всего не перечислишь.

Драгоценные находки при раскопках курганов случаются и в наши дни, хотя большинство гробниц было ограблено кладоискателями еще в древности. Но некоторые керченские курганы представляют огромную историческую ценность сами по себе. И среди них прежде всего нужно назвать сегодня величественный Царский курган, который стоит в ряду шедевров мировой архитектуры. Мы говорим «сегодня», потому что другое неповторимое сооружение — гробница Золотого кургана, которую ученые сравнивали то с грандиозной «сокровищницей Атрея» в Микенах, то с «гробницей Тантала» во Фригии, это сооружение до наших дней не уцелело — его варварски взорвали пороком в поисках ценностей.

Ведущий в усыпальницу Царского кургана длинный каменный коридор — дромос — прост и монументален. Стрельчатый свод теряется в высоте. И свод и стены сложены насухо из прекрасно обработанных рустованных каменных блоков — квадров — с нарочито рваной поверхностью. Сама же усыпальница увенчана куполом, который словно символизирует успокоение.

Кто был похоронен здесь? Видимо, один из боспорских ца-

Дромос Царского кургана.

рей периода расцвета этого государства в IV веке до нашей эры. По-видимому, как и пирамиды Египта, величественная гробница строилась еще при жизни царя.

Однако само Боспорское государство возникло в результа-

те объединения городов на обоих берегах пролива несколько раньше — в 480 году до нашей эры.

И с самого начала столицей Боспора стал Пантикапей.

Невелико было на первых порах государство, и столица, хотя и была крупнейшим из боспорских городов, выглядела, по всей вероятности, довольно скромно. Но главным в тот период было удержаться, выстоять. Весь средиземноморский бассейн сотрясали катастрофы. На Грецию обрушилась колоссальная мощь Персии, Карфагена и этрусков. Города античной периферии лишились поддержки своих бывших метрополий, оказались как бы один на один со всем варварским кочевым миром. Пантикапей, объединив вокруг себя близлежащие города, выстоял.

Мы очень мало знаем о первых правителях Боспора — Археанактидах, да они и недолго сравнительно были у власти: в 438 году до нашей эры в результате переворота в Пантикапее воцарилась династия Спартокидов. С нею связана целая эпоха в истории Боспора — Спартокиды, выходцы из местной эллинизированной знати, властвовали здесь более трех веков. Уже первые боспорские цари (вначале они носили титул архонтов) — Спарток, Сатир, Левкон, Перисад и воцарившийся в результате усобицы сын Перисада I Евмел — значительно расширили границы государства на запад и восток, укрепили его международные связи, всячески способствовали развитию ремесел и торговли.

О размахе заморской торговли, которую вел Боспор, говорит хотя бы такое свидетельство Страбона: Левкон отправил в Афины 2 100 000 медимнов зерна. Медимн равен 51,5 литра. Здесь уместно заметить, что такой размах заморской торговли требовал большого флота, и Боспор имел его.

Имена боспорских царей звучали громко в античном мире, и столица их отнюдь не была жалким захолустьем — она разрослась, приобрела блеск, украсилась чудесными зданиями. В разное время отсюда отправлялись послы в Афины и Рим, в Каппадокию, Вифинию, на Родос, Делос и даже в Египет. Сейчас об этом великолепии говорят только обломки архитектурных деталей, фрагменты скульптур, осколки дорогой чернолаковой и краснолаковой художественной посуды да стеклянные заморских изделий, которые находят при раскопках.

Естественным центром, вокруг которого группировался город, всегда была гора Митридат. Как и сейчас, она опоясывалась улицами-террасами с подпорными стенами. На вершине был обнесенный мощными стенами **акрополь** («верхний город»), на северном склоне — **пританей** (здание городских властей). Здесь ведутся сейчас раскопки. Все это были, судя по всему, уникальные сооружения, украшенные мраморными колоннами,

мозаиками, росписями. Опустошительные войны стерли их с лица земли. Пантикапей имел водопровод и канализацию; отделка богатых домов и общественных зданий отличалась изяществом, декоративностью, крыши покрывались черепицей — чаще глиняной, а иногда и великолепной мраморной.

Но часть города находилась и внизу, в районе площади народных собраний — агоры и гавани, защищенной молотом.

Конечно же, в столице царила отнюдь не только роскошь. Были в городе и стишщие крысами припортовые трущобы, и зловонные казармы рабов, и жалкие лачуги ремесленников. Для всего находилось место под сенью крыл сказочного чудовища — грифона, который был символом Пантикапея.

При Спартокидах Боспор, а вместе с ним и Пантикапей пережили расцвет, и опять-таки едва ли не главным свидетельством этого оказались захоронения, пышные курганные захоронения Юз-Оба, что значит «сто холмов». Цепь этих холмов тянется неподалеку от города; они хорошо видны и с шоссе, когда подъезжаешь к Керчи, и с моря. Было покорено немало соседних народов, содержалась армия, удалось очистить от пиратов Черное море — Понт; об этом говорят дошедшие до нас литературные памятники. Рождались честолюбивые замыслы объединить под своим владычеством все причерноморские народы. Пестрое, многоязычное царство пыталось расплавить в одном тигле (и до поры это удавалось) и греческие, и скифские, и синдомеотские, и сарматские черты. Пантикапей становился признанным политическим и экономическим центром Северного Причерноморья. Его увенчанный мощно защищенным акрополем городской холм был знаком многим мореплавателям, казался олицетворением несокрушимого могущества степнякам, которые гнали сюда обозы с зерном и вереницы рабов, захваченных в кровавых войнах. Но при Спартокидах же этот город испытал и первые сокрушительные потрясения.

Отношения с окрестными племенами отнюдь не были идиллическими, варварский котел кипел, из глубины континента на побережье выплескивались все новые народы (так пришли сюда, в частности, воинственные сарматы). Не хотели примириться с подчиненным положением скифы; в конце концов их недовольство взорвалось восстанием, которое возглавил Савмак. О происхождении этого человека существуют разные мнения. Одни считают, что он был рабом, и даже именуют его «скифским Спартаком»; другие исследователи предполагают, что Савмак был едва ли не вскормленником царя Перисада. Но так или иначе, к поднятому им восстанию присоединились рабы и пантикапейская городская беднота. Запылали богатые кварталы. Царь Перисад V, который под натиском неумолимых событий еще раньше отрекся от власти в пользу могущественно-

го понтийского владыки Митридата VI Евпатора, был убит. В истории древнего города началась новая страница.

Здесь нужно сказать для полноты картины хотя бы несколько слов о Понтийском царстве и о Митридате, имя которого и сейчас носит центральная городская холм Керчи — гора Митридат.

Подчинение Митридату втянуло Пантикапей в круговорот крупнейших событий, сотрясавших мир в I веке до нашей эры. Понтийское царство возникло в Малой Азии на развалинах империи Александра Македонского и со временем стало крупной силой, противостоявшей могущественному и ненасытному Риму. Особенно обострилась эта борьба в царствование Митридата VI Евпатора (111 — 63 годы до нашей эры), противниками которого оказались крупнейшие римские полководцы, такие, скажем, как Сулла и Гней Помпей.

Человек выдающийся, Митридат и планы строил грандиозные. Он стремился — ни больше, ни меньше — сокрушить Рим. Дерзновеннейший замысел! Но для этого нужно было создать кулак — объединить государства, народы, независимые города Причерноморья в одну великую державу. Отсюда интерес к Крыму, стратегическое значение которого на Понте переоценить невозможно. Едва ли не по первой просьбе Митридат посылает своего полководца Диофанта на помощь Херсонесу в борьбе со скифами; с такой же охотой он готов наложить свою тяжелую руку и на Боспор, где власть Спартокидов изжила себя.

Однако на Боспоре все получилось не просто. Когда весной 107 или 106 года до нашей эры Диофант появился с флотом и войском у боспорских берегов, его встретило яростное сопротивление восставшего народа. Следы этого сопротивления — следы пожаров и разрушений археологи и сегодня встречают в раскопках. Но так или иначе Боспор и его столица Пантикапей были сломлены и подчинены тогда еще молодому понтийскому царю, вождем восставших Савмак был схвачен и отправлен на расправу и неминуемую казнь.

Скажем прямо: поначалу Боспору, хоть он и был крупнейшим из государств Северного Причерноморья, отводилась в планах понтийского властелина скромная роль поставщика хлеба, рабочей силы и рекрутов. Столица — город Синопа — была за морем, а на Боспоре правили царские наместники. Однако шли годы, и несколько десятилетий спустя, в 66 году до нашей эры, уже не юный, а престарелый Митридат после сокрушительного поражения от римлян бежал в Пантикапей как в последнее убежище.

Своих честолюбивых и мстительных планов царь, однако, не оставил. Вот уж кто действительно ненавидел Рим! В который раз стал он собирать войско, готовить флот, запасать продовольствие, строить крепости. Митридат задумал в союзе с галлами взять Рим в клещи. Он собирался подняться по Дунаю, перейти Альпы и вторгнуться в Италию с севера. И теперь Боспор с его столицей Пантикапеем играл в этих планах большую роль. Они были отправным пунктом, базой задуманного великого похода.

Кто знает, что из этого вышло бы, но за несколько дней до выступления вскрылся заговор, который возглавил царский сын Фарнак (Митридату вообще не везло с сыновьями — приходилось усмирять то одного, то другого). Войско взяло сторону Фарнака. Причины этому было много. Бедных давили тяжелые налоги — война требовала колоссальных расходов; богатым не нравилось то, что Митридат брал в армию рабов, которые становились при этом свободными; военачальникам, напуганным предыдущими поражениями, казалось, что звезда царя закатилась, их страшилась грандиозность его замыслов. И, конечно же, важной причиной недовольства царем явилась морская блокада, установленная Римом на Черном море. Она подорвала торговлю.

Митридат был в пантикапейском акрополе и видел с террасы, как

мятежному сыну вручали символы царской власти. Что оставалось делать?

По преданию, Митридат с детства принимал разные яды, чтобы не быть отравленным. Теперь это обернулось против него. Попытка покончить с собой при помощи яда ничего не дала. Тогда Митридат приказал заколоть себя мечом. Смерть он предпочел позору. В Риме весть о его кончине вызвала ликование.

По иронии судьбы запятнавший себя предательством Фарнак сам стал жертвой измены. Этот честолюбивый человек пытался вернуть потерянные отцом владения. С берегов Боспора Киммерийского он отправился в поход против римлян и сюда же вернулся, потёрпев в Малой Азии поражение от Юлия Цезаря. Об этой своей победе Цезарь доложил сенату ставшими знаменитыми словами: «veni, vidi, vici» — «пришел, увидел, победил». В отсутствие царя Фарнака власть захватил оставленный наместником Асандр. Решающая битва произошла у Пантикапея — владение этим городом значило слишком многое. Фарнак был разбит и умер от ран.

Смутные времена настали на Боспоре. Немалую роль в ту пору играла Динамия — дочь Фарнака и внучка Митридата. Ей довелось быть женой сначала изменника Асандра, затем авантюриста Скрибония и наконец римского ставленника Полемона.

Новый период относительной устойчивости и расцвета начался в I веке нашей эры, когда в Пантикапее укрепились династия Тибериев Юлиев. Несмотря на сугубо римское династическое имя, представители ее были плотно от плоти местной боспорской аристократии (не случайно ее называют также сарматской династией). Личные имена царей — Котис, Савромат, Рескупорид — говорят о родстве с сарматами и фракийцами. (Кстати сказать, менялись на Боспоре цари и династии, но все они, прибегая к вымышленной генеалогии, вели свой род от морского бога Посейдона. Отсюда и своеобразный герб — трезубец и дельфин.)

Влияние Рима было сильным, но господствующим языком оставался греческий, и культура здесь развивалась по-прежнему своя, своеобразная — все тот же греко-варварский сплав.

Государство было зависимым, однако римской провинцией подобно большинству других государств оно не стало, сохранило известную самостоятельность, границы его расширились, мощь усиливалась (цари нередко именовали себя пышно «царями царей»), экономика росла, и это не могло не сказаться на Пантикапее, который опять стал богатым городом — одним из признанных торговых и политических центров Черноморья.

Вместе с тем можно, видимо, полагать, что новый подъем нес все-таки на себе печать некоего увядания. Мореплаватели и купцы все реже сравнительно с прежним выходили за пределы Черного моря, города — даже Пантикапей — явственной приобретали сельский облик; сильная и ясная струя греческой культуры со временем была все слабее, на смену ей шли иные — сарматские, более примитивные, влияния.

Но все же и этот период оставил нам замечательные памятники. Среди них прежде всего нужно упомянуть фресковую

На раскопках Пантикапея на горе Митридат.

роспись нескольких склепов. Об одной из этих росписей, открытой в 1872 году, восторженно писал известный художественный критик В. В. Стасов.

Мы уже говорили об электровом ритуальном сосуде, найденном при раскопках кургана Куль-Оба. На нем с удивительной бытовой и художественной достоверностью изображены эпизоды боевой походной жизни скифов. Фрески Стасовского склепа (так его называли) на северном склоне горы Митридат позволили проникнуть взглядом и воображением в другую эпоху. Перед нами — своеобразное свидетельство, картина жизни и в то же время произведение высокого искусства. На фреске — батальные сцены, показывающие сражение боспорцев в характерном для них боевом облачении с таврами и сарматами.

Но, пожалуй, еще более интересны фрески знаменитого «склепа Деметры» (к сожалению, они серьезно пострадали во

время Великой Отечественной войны). Деметра, которая олицетворяла земледелие и плодородие, была одной из самых почитаемых богинь эллинского мира. С нею связан миф, объяснявший, по верованиям древних, круговорот природы, смену времен года. Он и нашел отражение в росписи склепа, центром которой стало изображенное на своде прекрасное и скорбное лицо Деметры.

Фрески склепа — поистине выдающийся памятник древней живописи. Однако необходимо с сожалением оговориться, что в настоящее время эти произведения для осмотра недоступны.

И еще об одном свидетеле второй поры расцвета Пантикапея и всего Боспорского царства нельзя умолчать. После того как вы побываете на горе Митридат с ее улочками-террасами, подпорными стенами, лестницами и двориками, замощенными каменными плитами (отсюда открывается прекрасный вид на город, гавань и пролив), осмотрите историко-археологический музей и совершите недалекую поездку к Царскому кургану, вам следует побывать в Илурате.

Это место возле села Ивановки не часто посещается, между тем увидеть здесь можно немало интересного. Только ничего не трогайте на раскопках, тем более ничего не нужно писать на стенах и камнях — речь ведь идет о бесценном памятнике истории.

Мы говорим об Илурате в очерке, посвященном Керчи, потому, что это был город-форт, город-крепость, выдвинутый в степь и защищавший с запада непосредственные подступы к Пантикапею.

Сам факт создания в I веке нашей эры сравнительно небольшой, но мощной крепости (толщина оборонительных стен в основании доходила до шести метров — попробуй-ка их сокрушить!) выразительно говорит, чем были в то время столичный город Пантикапей и Боспор в целом.

Странное чувство испытываешь в этом царстве поросшего травой и колючками камня. На память невольно приходят слова М. В. Ломоносова: «Мечи, щиты и крепостные стены пред божьим гневом гниль и тлен...» Хотя дело, конечно, не в «божьем гневе», а в неумолимом ходе истории.

Как тщательно было выбрано место для фортеции в этой голый степи! Господствующая возвышенность круто обрывалась с двух сторон, позволяла и далеко видеть и надежно защищаться. Частые башни, замкнутые дворы, узкие улочки, каменные лестницы, ведущие иногда прямо из дворов на крепостные стены, — все было подчинено войне, обороне. Без малого две тысячи лет назад в такое же вот утро по этим ступеням поднимался, звеня доспехами, дюжий воин в панцире, шлеме, узких штанах, с овальным щитом в руке, длинным сарматским мечом на перевязи слева и кинжалом на поясе справа...

Дымилась очаги, и пахло свежеспеченными лепешками, плакал ребенок в доме по соседству, где-то бляела овца, пылил отряд всадников, высланных дозором к Асандрову валу, — шла жизнь.

Гарнизон пограничной крепости состоял из своеобразных военных поселенцев. Они несли службу и кормились на царских землях — сеяли хлеб и держали стада. Раскопки открыли многие подробности их жизни. Сегодня мы можем видеть не только стены и нижние этажи башен, мощенные камнем улицы и переулки, но и планировку домов, очаги, закрома, зерновые ямы, предметы быта и орудия ремесла. Мы знаем, что население здесь было смешанным — греки, скифы, сарматы. Сколько битв они выдержали, сколько штурмов отразили? Но так или иначе, даже эти стены не помогли устоять против захватчиков.

В III веке государство опять начало хиреть. Весь тогдашний средиземноморский и припонтский мир содрогался под на-

тиском новой волны варваров. Затрещала Римская империя. Удары готов надломили Боспор, а в IV веке под сокрушительным натиском гуннов, которые сметали все на своем пути, он окончательно рухнул. Пантикапей опять лежал в развалинах. Над горой Митридат и гаванью плыли густые клубы дыма.

Европейские хроники недаром называли предводителя гуннов Аттилу «бичом божьим». Вторжение диких орд принесло неисчислимые бедствия. Некогда цветущие края превращались в безлюдную пустыню. Почти тысячелетнее существование Боспорского царства пришло к концу — оно не могло воспрянуть после смертельных ударов. Однако столица не то чтобы уцелела, но выжила. Подобно тому, как глубоко укоренившийся виноградный куст, если даже срубить его под самый корень, выбрасывает все-таки весной новые побеги, так и этот город сначала (в конце того же IV века) робко обстроился хижинами, задымил первыми очагами, поднялся к небу первыми мачтами, потом оправился и пошел в рост. Но это был уже другой город. Вполне естественно: новый побег никогда не повторит форму старого куста, вряд ли достигнет прежней мощи...

И название у города стало другим — Боспор назывался он теперь, и это звучало как слабый отголосок былого могущества и славы.

Некогда величественный акрополь на горе Митридат лежал в руинах и стал наконец «городом мертвых» — кладбищем. А город живых спустился на берега бухты. Его населяли ремесленники, рыбаки, торговцы, земледельцы. Столица Боспорского государства стала скромным центром церковного округа — Боспорской епархии. Всего лишь. Сюда протянула свои длинные руки Византийская империя. Боспор подчинился ей.

Нужно сказать, что для него это было, пожалуй, наименьшим из всех возможных тогда зол. Византийский гарнизон давал защиту (не всегда, правда, надежную) от налетов кочевников, а со временем Боспор стал сильной крепостью — одним из форпостов империи на границах варварского мира. Постепенно снова развилась заморская торговля — это влило свежую кровь в начавший было дряхлеть организм. Воскресли морские традиции — недаром же считалось, что основателями древнего Пантикапея были милетские «вечные мореходы». Наложная императором Юстинианом I натуральная морская повинность заставила боспорцев расширить верфи, строить большее количество судов.

И все-таки этот период Великого переселения народов, раннего средневековья, давал лишь короткие передышки, а в целом был неустойчивым, зыбким, опасным. Словно гигантские приливные волны катились орды: готы, гунны, хазары... Иногда они

расшибались друг о друга, иногда обессиливали, столкнувшись с Византией, и тогда наступали периоды относительного затишья; отстраивались города, тучнели стада, расширялись посевы, рос рыбный промысел. Но такое продолжалось, как правило, теперь недолго. Стабилизирующим фактором была мощь Византийской империи, а она постепенно слабела. Ее власть в Крыму нередко становилась чисто номинальной, и варвары не раз, случалось, захватывали Боспор.

В 576 году переправились через пролив, разгромили и разграбили город хазары; в VII веке этот удар был нанесен вновь; в конце VIII — начале IX века появилась «рать велика роуская из Новаграда князь Бравлин силен зело, плени от Корсоуня и до Корча» (то есть от Херсонеса до Керчи); в X веке сюда хлынули кочевники печенеги, а в XI — половцы...

Культура местного населения развивалась под знаком христианства. Уже в IV веке в Крыму появились две епархии — Боспорская и Херсонесская. Памятников искусства, архитектуры того времени сохранилось чрезвычайно мало (и это объясняется, видимо, не только войнами, разрушениями, но и тем, что духовная жизнь переживала упадок), однако и сегодня мы можем любоваться благородной простотой церкви Иоанна Предтечи (X век), построенной на фундаменте базилики VI века.

Церковь эта удивительно характерна для Керчи. Она не поражает своими размерами, изощренностью форм или украшением. Старинный, скромный храм. Но строгая лаконичность постройки, мудрая сдержанность зодчего, лишенная всяких претензий соразмерность частей делают это сооружение подлинным произведением искусства.

Уникален, неповторим размещенный сейчас в церкви лапидарий — «каменный музей». Вы прочтете надпись, высеченную на одном из надгробий: «Прощайте, о странники!», глянете вокруг, и кто знает, не возникнет ли в вашем воображении неведомый, призрачный мир щитоносных воинов, жрецов, торговцев из вольноотпущенников, скифов в островерхих шапках, сарматов и наших далеких предков...

Из находок последних лет особый интерес вызывает находящийся в лапидарии каменный рельеф из кургана «Три брата». На нем изображена квадрига — четверка коней, мчащих колесницу...

И еще одно имя — Черкио — появилось у нашего города в средние века. Так его стали называть постепенно прибравшие к рукам крымское побережье итальянцы.

Первыми сюда приплыли венецианские купцы, но затем (со

средины XIII века) господствующее положение переходит к генуэзцам. Итальянских купцов привели сюда поиски путей для торговли с Востоком. Вспомните: ведь и братья Поло (отец и дядя знаменитого Марко Поло) отправились в 1250 году на восток «за наживой да за прибылью» через Крым.

Однако, обосновываясь на чужих берегах, пришельцы строили не только торговые фактории, но и крепости, подчиняли себе местное население, насаждали свои жесткие порядки — вели себя, одним словом, как завоеватели. Но разве не так же вели себя некогда и греки? Кое-что общее есть, но заметно и существенное различие. Новая эпоха, другие социально-экономические условия наложили свой отпечаток. Итальянцы вполне освоили опыт предшествующих колонизаторов, но греки, если говорить житейски, были проще, шире, терпимее, демократичнее. Господа из Генуи презирали и преследовали инаковерующих, держались высокомерно и обособленно; эти торгоши нередко выступали в роли феодалов, а постоять по-настоящему за себя и своих новых подданных, как вскоре выяснилось, не могли.

Вместе с тем необходимо помнить, что при всей колонизаторской сущности господства генуэзцев в Крыму их влияние на местную жизнь не было только однозначно отрицательным. Италия того времени уже вступала в эпоху Возрождения, отмеченную расцветом науки и культуры, мореплавания и торговли. Это не могло не оставить свой след и в развитии черноморских колоний.

Жизнь в Черкио несколько оживилась. Генуэзцы улучшили порт, построили мол, усилили крепость. Но главной их базой на Черном море была Кафа (так тогда называлась Феодосия), через нее шла основная торговля, здесь находился политический и административный центр.

Итальянские купцы вели сложную игру. Генуэзцы враждовали с венецианцами и вместе с тем пытались балансировать между клонившейся к упаду Византией, набиравшей силу, вскоре ставшей грозой всей Европы Турецкой империей и Крымским ханством, которое окончательно сложилось в XV веке. Они пытались изворачиваться, лавировать и после страшной катастрофы 1453 года, когда войска султана захватили Константинополь и перекрыли путь, связывавший Черное море со Средиземным. Отныне судьба генуэзских колоний была полностью в руках турок, а рассчитывать на их снисходительность к «неверным» не приходилось. Правда, турки до поры не спешили с развязкой, они охотно принимали помощь генуэзцев оружием в войне с другими странами. Конец наступил 31 мая 1475 года: у крымского побережья появился турецкий флот и высадил подержанный с суши татарами десант. Генуэзцы не оказали серь-

езного сопротивления (да оно бы и не привело ни к чему), их крепости вскоре пали; защитники вместе с семьями были проданы в рабство на стамбульском невольничьем рынке.

Генуэзский Черкио стал турецкой крепостью Черзети. Однако турок эта крепость не удовлетворяла. По самому своему исконному назначению древние стены Пантикапея—Боспора—Корчева служили обороне, а целью турецкой политики были экспансия, наступление, расширение границ империи. Старая крепость стояла в глубине Керченской бухты и не могла полностью контролировать Боспор Киммерийский — путь из Азовского моря в Черное, а именно этот путь интересовал теперь султана.

Черное море должно было превратиться, по замыслу турок, в их внутреннее море, и к этому все шло, да вот незадача: на пути к осуществлению этой цели вскоре встало украинское и русское казачество, которое объективно выступало в те времена в этом районе как форпост начавшего складываться сильно централизованного Российского государства. Казачьи флотилии, вырвавшись на черноморские просторы, навели ужас на жителей городов Анатолийского побережья. Как некогда дружины князя Олега подходили под стены Царьграда, так теперь запорожцы на легких «чайках» пересекали море и окуривали мушкетным дымом стены Стамбула. Начав поход в низовьях Днепра, казаки иногда возвращались через Керченский пролив. Некоторые из этих операций поражали своим размахом и мощью. Казаки шли даже на штурм крепостей. Так было, скажем, в 1616 году, когда запорожцы овладели сильно укрепленной Кафой — Феодосией и вывели на свободу несколько тысяч христианских невольников (Кафа была центром работорговли).

Одним словом, турки прилагали немало сил, чтобы запечатать устье Днепра и Керченский пролив. Переоборудовав старую крепость (она просуществовала затем до 1827 года, когда ее стены разобрали на строительство домов), султан повелел в узком месте пролива воздвигнуть еще одно укрепление, которое должно было держать под прицелом своих пушек фарватер. Это укрепление называли **Еникале**, что значит Новая крепость. Строительство шло долго и было закончено в 1703 году. Остатки сооружения можно видеть и сейчас по дороге из Керчи на паромную переправу в порт Крым.

Подчинение турками Крыма совпало по времени с наибольшим расцветом Османской империи. Турция в XV веке превратилась в крупнейшую мировую державу, в грозную силу, навевшую страх на соседей. Но XV век оказался переломным и в истории России — был положен конец феодальной раздробленности. К. Маркс в «Секретной дипломатии XVIII ве-

ка» писал: «Изумленная Европа, в начале царствования Ивана I, едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи москвитя».

С той же неукротимостью, с какой Турция стремилась к единоличному господству над всем бассейном Черного моря, Россия стремилась овладеть его северными берегами. Выход к морю, в устья Днепра, Дона, Буга, в Керченский пролив был для России поистине необходимостью, подсказанной всем предыдущим историческим развитием. Ведь еще во времена Киевской Руси Черное море было для восточных славян своим морем, они торговали и селились на его берегах. В этой связи особый интерес для нас представляет один непосредственно связанный с Керчью исторический эпизод. «Эпизод» — если смотреть на него с вершины прошедших веков, а вообще-то речь пойдет о целой главе отечественной истории. Долгое время глава эта казалась загадочной.

...Многие из нас со школьных лет знают слово «Тмутаракань». Так назывался древний город, центр русского удельного княжества. Упоминания о нем есть в летописях, в «Слове о полку Игореве». Мы знаем, например, что Тмутараканским князем был Мстислав — один из сыновей киевского князя Владимира. Тот самый Мстислав, который в 1022 году сразился с косожским князем Редедей.

«Сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради будем губить наши дружины? Но сойдемся и сами поборемся. И если одолеешь ты, возьмешь имущество мое, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму все твое». И сказал Мстислав: «Будет так...»

Мстислав, как известно, одолел, «зарезал Редедю пред полками косожскими». А вернувшись в Тмутаракань, построил церковь святой Богородицы.

С Тмутараканью связано начало братоубийственного похода князей Олега (прозванного за несчастливую судьбу «Гориславичем») и Бориса. В союзе с половцами они пошли в 1078 году на Чернигов. В «Слове» сказано: «Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял; ступит в золотое стремя в городе Тмутаракани — звон тот слышит старый великий Ярослав сын Всеволод, а Владимир каждое утро уши себе закладывает в Чернигове».

Двама десятилетиями раньше в Тмутаракани нашел убежище бежавший из Киева монах-летописец Никон. Да-да, тот самый знаменитый наш летописец. Он же, Никон, был отправлен тмутараканцами в Чернигов просить тамошнего князя Святослава отпустить сына Глеба в Тмутаракань на княжение...

Все это было известно. Но со временем сам след города и княжества исчез, затерялся. Где находилась Тмутаракань? Была ли она вообще? Об этом много спорили. Одни считали, что искать следует на муромской земле, другие — на черниговской, третьи — у Астрахани. Доводы приводились самые разные.

А у порога солдатской казармы на кавказском берегу Керченского пролива лежал большой камень, взятый из находящихся неподалеку раз-

¹ Речь идет о Иване III (1462—1505 гг.).

валин Таманского городища. На камень не обращали внимания, об него просто вытирали ноги. А когда случилось присмотреться, увидели старинные русские письмена:

«В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тмудороканиа до Корчева 14 000 сажен».

6576 год «от сотворения мира» соответствует 1068 году нашего летоисчисления. Князь Глеб — это тот самый, за которым ездил Никон... Любопытнейший был, видно, князь, раз уж вздумал заниматься гидрографическими изысканиями. До него в русской истории таких документов не оставал никто.

Но так или иначе — вот она где находилась, сказочная Тмударакань. На восточной стороне пролива. И Корчев-Керчь входил в ее состав.

Находка камня (а это случилось 180 лет назад) вызвала множество новых вопросов. Подлинность надписи оспаривалась. Но эти споры, а главное, археологические раскопки помогли установить, что сама суть вопроса о нахождении Тмударакани была решена правильно. На месте Гермонассы — крупнейшего города азиатской части Боспора — после гуннского опустошительного нашествия возникло поселение Таматарха. Русские, подчинив себе город, назвали его Тмудараканью. В X веке они были вытеснены отсюда хазар, а в начале, по-видимому, XII века сами были вытеснены половцами. Вообще же об истории княжества мы все еще знаем чрезвычайно мало. Решена только одна загадка, а сколько их осталось?

Сейчас тмудараканский камень хранится в Ленинграде, в Эрмитаже, но еще в середине прошлого века он был в Керчи.

Можно привести также немало других примеров, показывающих неразрывность связей русских земель с Черноморьем. Они не прерывались окончательно даже в трагический для нашего народа период татаро-монгольского владычества. Когда же это было сброшено и Россия объединилась в сильное централизованное государство, среди важнейших задач, которые встали перед ним, была борьба за выход к морям. Крымские походы при Иване Грозном, поддерживаемые Москвой сухопутные и морские походы казаков, неудачные голицынские походы стали как бы этапами в этой растянувшейся на многие десятилетия ожесточенной борьбе. Однако постепенно делалось все яснее, что пора расцвета турецкого могущества миновала. Россия же набирала силу, и в 1699 году жерла турецких орудий уже не смогли помешать 46-пушечному кораблю «Крепость» первым из российских военных кораблей пройти через Керченский пролив.

Турки чинили всяческие препятствия: запугивали капитана Памбурха малыми глубинами и сложным фарватером пролива, уговаривали пристать на ночь к берегу, рассчитывая, очевидно, что корабль действительно сядет на мель, опасно сближались с судном — очень уж им не хотелось, чтобы выпорхнула эта первая ласточка, тем более, что вид у «ласточки» был достаточно внушительный. Однако ничто не помогло.

Не доверяя лоцману, присланному турецким пашой, капитан ночью послал штурмана на лодке промерить глубину и убедился, что большой опасности для судна нет. В конце концов

позади остались рифы и отмели, позади были обрывистые мысы Такиль и Панагия — перед «Крепостью» открылся во весь горизонт голубой черноморский простор. Это был поистине исторический момент в становлении русского флота. Но, конечно же, событие было бы невозможно, если бы позади «Крепости» до самой Керчи не следовала русская эскадра, на одном из кораблей которой плыл сам Петр I.

Впрочем, и при Петре борьба не была доведена до конца. Еще много предстояло сделать Потемкину, Румянцеву, Суворову, еще не раз вспыхивали военные действия. После войны 1768—1774 гг. русскими стали Керчь и Еникале (овладению этими

Уголок старой Керчи.

пунктами придавалось особое значение, здесь не раз бывал сам А. В. Суворов), а рескриптом от 8 апреля 1783 года императрица Екатерина II объявила о присоединении к России всего Крыма.

Однако напряженность в русско-турецких отношениях сохранялась. Керченский порт стал первой базой русского флота на Черноморском побережье. А в 1790 году неподалеку от Керчи разыгралось вошедшее в историю морское сражение: русская эскадра под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова после пятичасового ожесточенного боя победила превосходящий по силам турецкий флот.

В XIX век Керчь вступала, имея всего несколько домов и казарм и около 250 жителей. Добавим, кстати, что это было население не только Керчи, но и заштатного городка Еникале, который административно составлял с нею единое целое. Сначала Керчь-Еникальский посад, а позже Керчь-Еникальское градоначальство входили в состав Феодосийского уезда. Правда, градоначальником здесь был чаще всего адмирал, что все-таки говорило о некотором значении города...

Примеров такого измельчения история дает нам немало: блестящая некогда столица могучего царства превращается в унылый, захудалый городишко. С грустью это отметил после своего путешествия по югу А. С. Пушкин. В 1820 году он писал брату:

«Морем приехали мы в Керчь. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я, — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных, — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на **Золотом холме**. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею, — вот все, что осталось от города **Пантикапеи**».

Безотрадной картину трудно себе и представить.

О запустении, которое царило здесь, косвенно свидетельствует и такой факт. В 70-х годах прошлого века вышли «капитальные», обстоятельные «Очерки Крыма» Евгения Маркова. Пятьсот страниц, 257 иллюстраций. И ни слова о Керчи.

И все-таки ей и на этот раз повезло. Она недолго пребывала в сонном забытьи. Не такое это место. Недаром много веков назад милетские «вечные мореходы» выбрали именно этот морской перекресток для основания города.

Пушкин с удивительной для столь молодого человека проницательностью писал о Крыме как о «стороне важной и запущенной». Эта запущенность имела много причин. Тут и войны, и политика, которую вело правительство на новых землях, и общая отсталость крепостнической России, и тяжесть достав-

шегоя от Турции наследства. Однако пусть медленно, но неуклонно развивался Южный берег, крупной военной базой становился Севастополь, возрождалось значение феодосийского порта, снова приобретала характерные черты центра рыбодобычи и соляного промысла, ремесла и торговли Керчь. Здесь даже начали возводить, учитывая непрекращающуюся военную угрозу, новые укрепления на Павловском и Ак-Бурунском мысах — ближе к входу в пролив со стороны Черного моря.

Крымская война 1853—1855 годов, которая закончилась поражением России, снова отбросила весь край назад. Севастополь после беспрецедентной героической обороны лежал в развалинах; керченские укрепления были взорваны, высадившийся английский десант основательно пограбил город. Хорошо, что директор Керченского музея древностей многие экспонаты успел увезти — музей тоже был разорен и разграблен. Кое-какие «трофеи» из боспорской старины англичане все-таки захватили. Они и по сей день находятся в Британском музее в Лондоне.

Керчь была разрушена, и тут нужно сказать, что разрушения эти производились не без дальнего прицела. Еще в 1783 году была описана керченская железная руда. В 1825 году произведен ее анализ, а в 1846-м в Керчи робко задымили две небольшие домны чугунолитейного заводика, построенного инженером Гурьевым. Веяния новой эпохи, предвестники грядущих великих перемен пробивались даже в николаевской России. Но англичанам вовсе не нужны были соперники в промышленности и торговле — они разрушили завод. В тех условиях это на добрых полвека задержало разработку и использование керченских руд.

Вместе с тем война, показавшая гнилость режима, была существенным толчком, который привел к отмене в России крепостного права. Экономическое развитие страны ускорилось, и это не могло не сказаться на Керчи. Возрождаются промыслы, появляются новые предприятия — консервная и табачная фабрики, во весь рост встает вопрос о строительстве современного порта, прокладке железной дороги и разработке рудных месторождений.

В 1883 году о Керчи уже писали: «...довольно большой, красивый и один из более оживленных торговых городов в Крыму. Керчь имеет более 20 тысяч жителей». Пять лет спустя можно было прочесть: «Расположенный у пролива, между двух морей, и служа промежуточным пунктом между Кавказом и Крымом, город Керчь приобрел солидное торговое значение. Он отличается благоустройством; жителей в нем до 30 тыс.; в навигационное время переполнен представителями всевозможных национальностей».

ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ

XX столетие Керчь встретила по-настоящему промышленным, портовым городом. В 1900 году выдал первый чугунок только что построенный металлургический завод, который работал на местной руде. Это было крупнейшее предприятие Крыма. Тогда же пошли первые поезда. Железнодорожная ветка связала Керчь через Владиславовку и Джанкой с основной транспортной магистралью, ведущей в промышленный центр и на Донбасс.

Не стояли на месте и другие предприятия (их было больше пятидесяти), однако характер города определяла рудно-металлургическая промышленность. В 1898 году здесь было добыто менее полутора миллионов пудов руды, а в 1901 году добыча достигла 27,5 миллиона пудов. Такой резкий скачок сопровождался столь же резким изменением облика Керчи. Теперь уже не белокаменный акрополь на городском холме привлекал внимание моряков, а доменные печи и трубы, сполохи пламени и заводской дым, который плыл над проливом.

Но промышленный город — значит, пролетарский город. По количеству рабочих Керчь уступала в Крыму только Севастополю. А что касается боевого духа керченского пролетариата, то о нем достаточно говорит хотя бы тот факт, что крепкая социал-демократическая организация здесь сложилась уже в 1900 году.

О боевых выступлениях керченских рабочих неоднократно писала ленинская «Искра», которая широко распространялась среди членов местной организации. В начале 1902 года забастовали рабочие металлургического завода, а в августе 1903 года Керчь потрясла всеобщая стачка. Это было первое в Крыму массовое выступление рабочего класса.

Начали стачку рабочие механического завода. Их поддержа-

ли чугунолитейный завод и рабочие мелких предприятий. К утру 13 августа не работало ни одно предприятие. Два тысячи бастующих собрались на горе Митридат, начался митинг с призывами к борьбе против самодержавия. Любопытно сопоставить некоторые цифры. В 1841 году в Керчи было 8 кузнецов, 1 жестянщик, 3 слесаря, 2 токаря... Вот и все металлисты. А теперь на митинг пришло 2000 керченских пролетариев!

Когда собравшиеся увидели, что в порту продолжают работы, они с красным флагом направились туда, но были встречены войсками и полицией. Власти загодя подтянули силы для вооруженной расправы, но и рабочие не намерены были отступать. В схватке были убитые и раненые...

Россия жила предчувствием революции, и, когда она началась, керченские пролетарии встретили ее готовыми к ожесточенным классовым боям. 1905—1906 годы были ознаменованы здесь стачками, антиправительственными демонстрациями и митингами. К рабочим присоединялись солдаты крепости и военные моряки.

Следы революционной истории встречаешь в Керчи и сегодня на каждом шагу. Школа имени Желябова названа в честь выдающегося русского революционера, организатора и руководителя партии «Народная воля», члена ее Исполнительного Комитета, организатора покушения на царя Александра II. Андрей Желябов (1850—1881 гг.) — уроженец Крыма, учился в керченской гимназии.

Завод и поселок имени Войкова носят имя революционера-ленинца, советского дипломата, погибшего в 1927 году в Польше, керчанина Петра Войкова. В годы первой русской революции он принимал активное участие в грозных событиях. Петр Войков происходил из семьи учителей-просветителей, работавших одно время в Керченском ремесленном училище. Из училища вышла целая плеяда замечательных рабочих парней, ставших бесстрашными революционерами, — Александр Хворостьянов, один из руководителей одесского подполья в период деникинщины, Илья Громозда, член керченского подпольного большевистского комитета во время врангелевщины, участники установления Советской власти в Керчи Митрофан Нейман, Виктор Назаров...

Об одном из замечательных революционных подвигов керченских пролетариев напоминает название: улица 23 мая 1919 года. Ничем как будто не примечательная зеленая тихая улица идет по склону горы Митридат... Когда-то она была обогрета кровью. Но прежде чем рассказывать об этих событиях, нужно вспомнить их славную предысторию.

Городской большевистский комитет был создан в Керчи только во второй половине 1917 года. Во время войны подпольные

большевистские организации были разгромлены, поэтому, когда после Февральской революции в Керчи наряду с думой возник Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, в нем верховодили меньшевики и эсеры — сторонники «войны до победного конца». Однако постепенно положение менялось. Временное правительство теряло свое влияние, а ряды большевиков пополнялись вернувшимися из Сибири ссыльными, революционными солдатами и матросами. Большевики завоевывали массы на предприятиях и в профсоюзах.

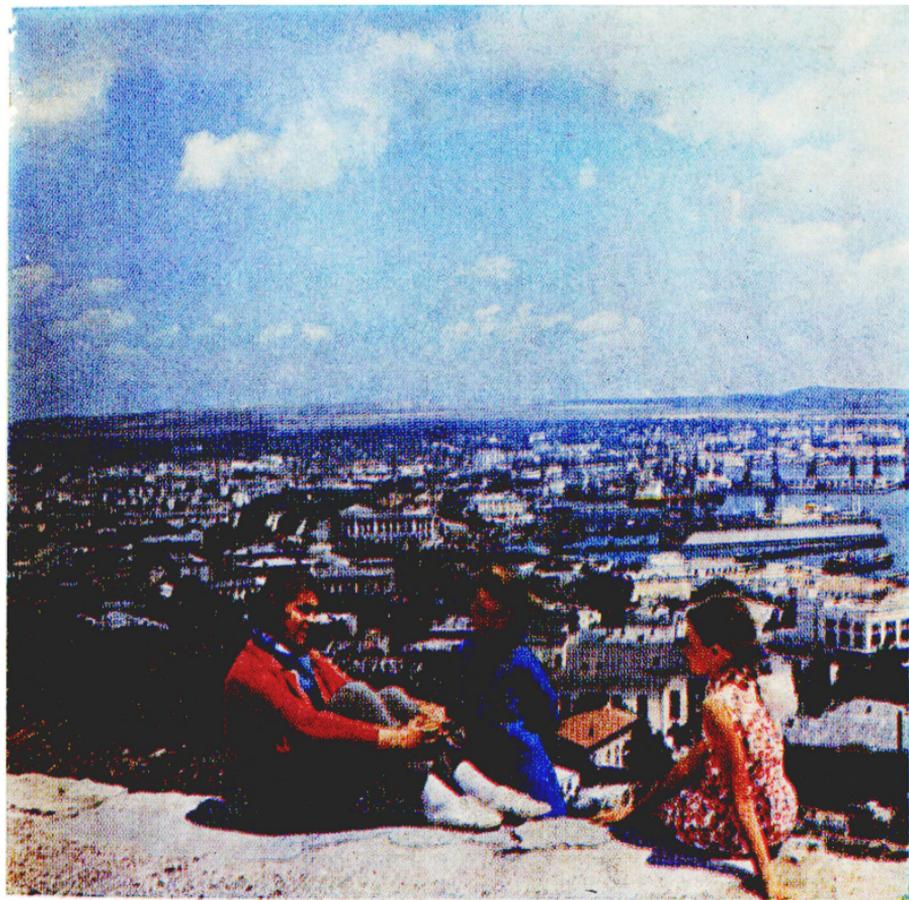
После победы Октября в Петрограде в Крыму еще продолжалась борьба. Первым городом, где была провозглашена Советская власть (16 декабря 1917 года), стал здесь Севастополь. В Керчи это произошло 6 января 1918 года. Но еще до этого случились события, которые показали, что массы готовы идти за большевиками. Такой своеобразной пробой сил стала посылка из Севастополя военной флотилии и отряда моряков на Дон для борьбы с возглавившим контрреволюционное движение генералом Калединым.

На старинном гербе Керчи изображены грифон и ключ, символический ключ, позволяющий держать на запоре вход в Азовское море. Теперь городские власти (буржуазная дума и эсеро-меньшевистский совет) хотели как бы воспользоваться этим ключом — заминировать пролив, чтобы не пропустить корабли в Азов. Керченский большевистский комитет и поддерживающие его матросы сорвали этот враждебный революции план.

В дальнейших событиях, которые произошли в Керчи, большую роль сыграла команда прибывшего из Севастополя военного корабля — сетевого заградителя «Аю-Даг». Матросы «Аю-Дага» и еще нескольких тральщиков были той силой, с помощью которой большевики захватили власть.

Большевистское выступление в ночь на 6 января было неожиданным. «Отцы города» отплясывали в это время на балемаскараде, и стремительно развернувшиеся события застали их врасплох. Захват телефона и телеграфа нарушил связь, помешал силам контрреволюции организовать сопротивление. Когда председатель военно-революционного штаба матрос с «Аю-Дага» С. Шевяков появился в крепости, там ничего не знали о происходящем в городе. Гарнизон крепости присоединился к восставшим. Власть в Керчи перешла к большевикам. Сразу же был установлен рабочий контроль на предприятиях, принимались меры по ликвидации безработицы и улучшению снабжения трудящихся продовольствием.

Однако в конце апреля 1918 года, вероломно нарушив условия Брестского мира, Крым оккупировали германские войска. 200 дней они хозяйничали здесь, грабя все, что можно, и обращаясь с населением, как с туземцами. Ноябрьская рево-

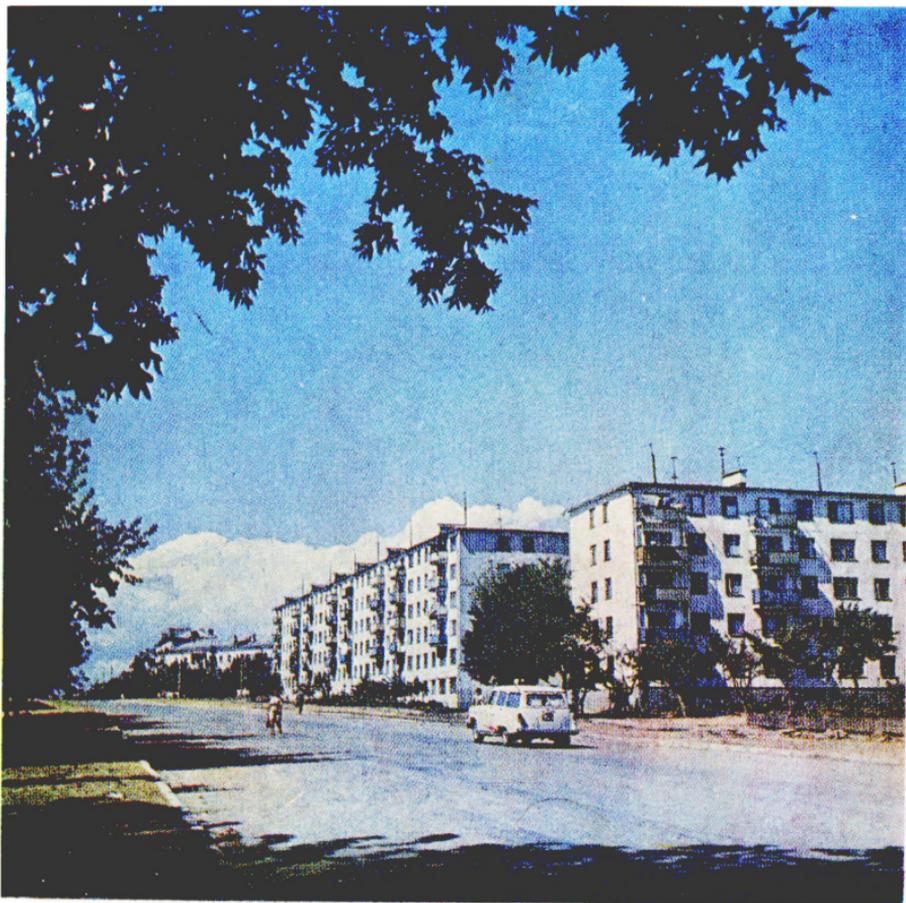

2 Заказ 66

**С горы Митридат открывается
панорама современной Керчи.**

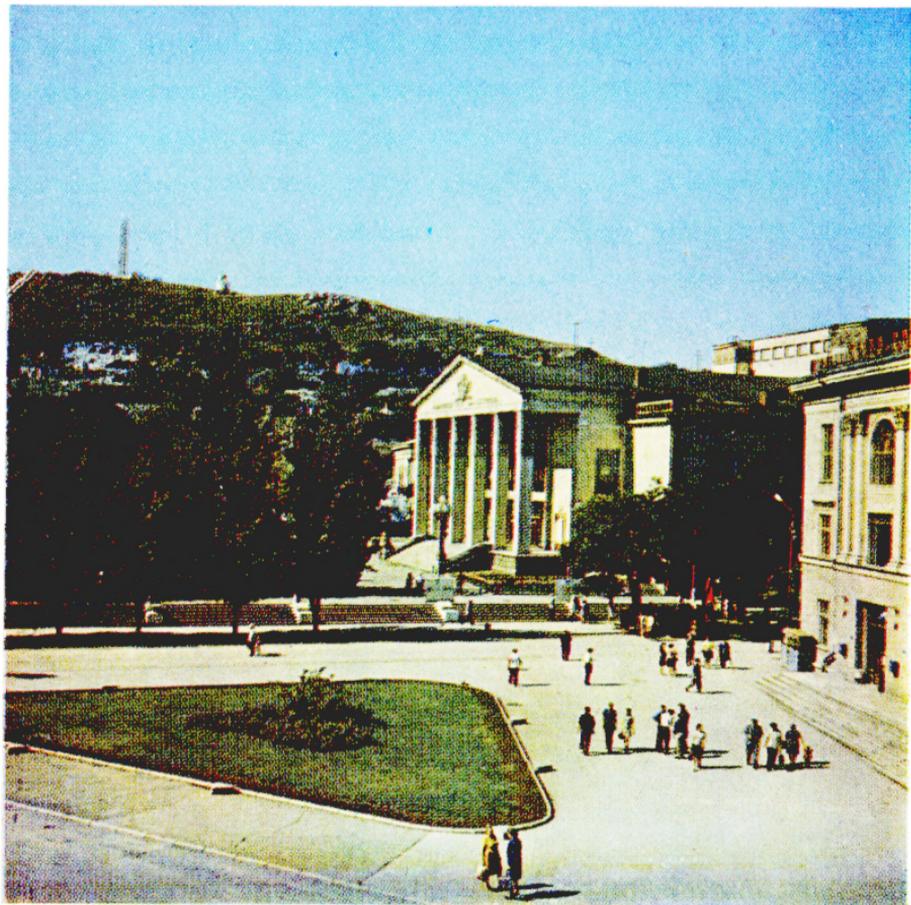
**В центре рабочего поселка
Камыш - Бурунского железорудного комбината Аршинцево.**

2*

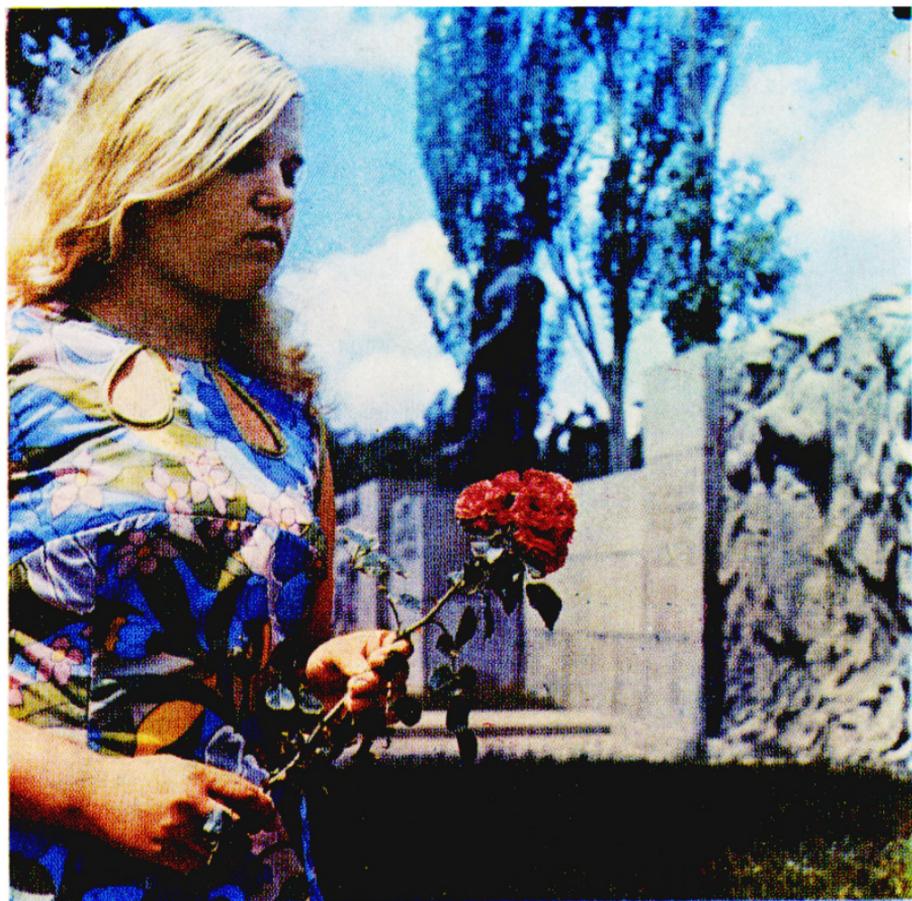
Новостройки в поселке завода им. Войкова.

Площадь им. Ленина.

Вечный огонь на горе Митридат.

На воинском кладбище.

**Памятник Герою Советского
Союза Вере Белик у школы,
где училась отважная летчи-
ца.**

**Один из входов в Аджимуш-
кайские каменоломни.**

Аджимушкой. Здесь дислоцировался подземный гарнизон.

**Памятник пионеру - партизану
Володе Дубинину.**

В честь авиаторов, принимавших участие в освобождении города-героя.

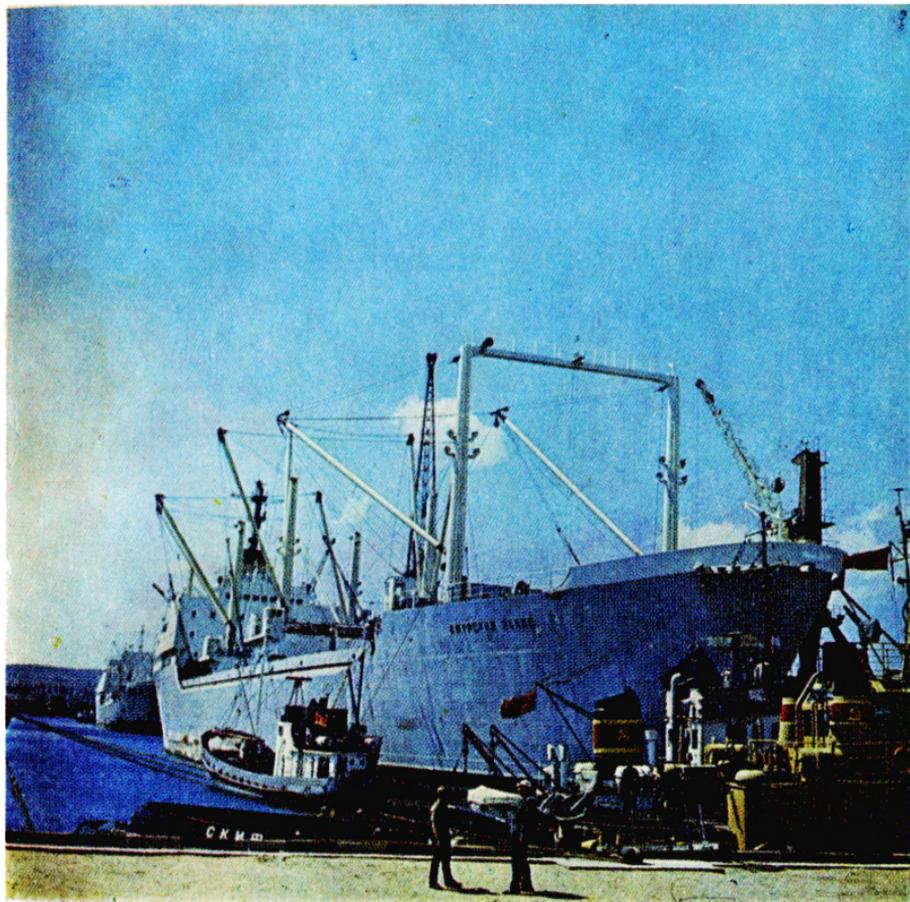
Добыча руды открытым способом в карьере Камыш-Бурунского железорудного комбината.

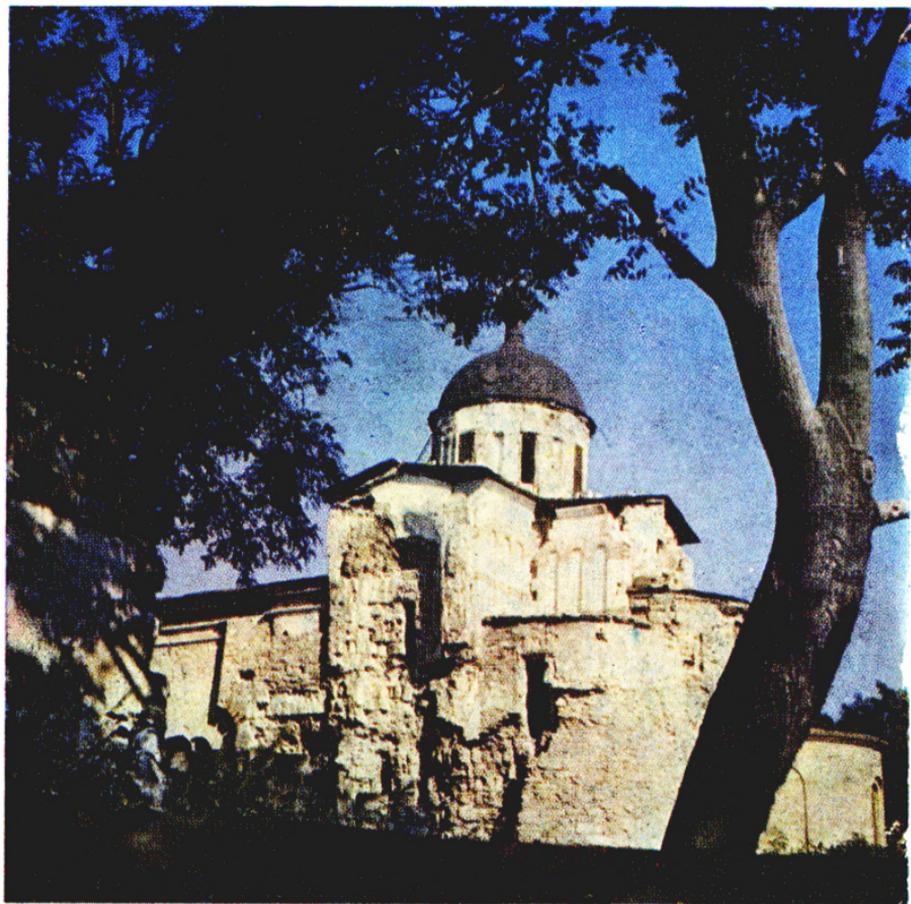
Агломерационная фабрика железорудного комбината.

Керченские портовые рабочие.

Рыбный порт Керченского океанического рыболовства.

Церковь Иоанна Предтечи. Памятник архитектуры X века.

люция в Германии и возросшее сопротивление на захваченных территориях положили этому конец. Оккупанты вынуждены были убраться с нашей земли. Но едва немецкие эшелоны с награбленным добром покинули станцию Керчь-2, как в проливе появилась англо-французская эскадра. Корабли Антанты помогли переправиться с Кубани в Крым частям деникинской Добровольческой армии.

1919-й год был очень трудным для Советского государства. Молодой республике приходилось со всех сторон отражать натиск врагов. Сложное положение складывалось и в Крыму. Действовавшее под контролем интервентов и деникинцев так называемое «Краевое правительство» восстановило на полуострове буржуазно-помещичьи порядки. Казни без суда, открытый грабеж, голод... Положение трудящихся было невыносимым, росло их сопротивление белогвардейцам и интервентам. В Крыму стали возникать партизанские отряды и группы подпольщиков. Начали действовать они и в районе Керчи. В этой совершенно лишенной лесов местности партизаны базировались на каменоломни, уходили, как говорят здесь, «в скалу». Их проводниками были «скаляне» — рабочие каменоломен.

Весной 1919 года в результате наступления войск Красной Армии, которыми командовали П. Дыбенко и И. Федько, была освобождена большая часть Крыма. Но Керченский полуостров оставался в руках белых, которых поддерживала с моря артиллерийским огнем эскадра Антанты. Линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от Керчи — по Акмонайскому перешейку. В этих условиях оставшиеся в тылу противника большевики прилагали все силы к тому, чтобы расшатать деникинский фронт, создать условия для прорыва советских войск.

И сегодня нельзя спокойно читать или слушать рассказы о беспримерном, расчетливом и в то же время не знающем границ мужестве керченских подпольщиков. Был расширен комитет, увеличено число конспиративных квартир (из подвала одной из них был выход в катакомбы), печатались листовки, добывались и доставлялись в загородные (Аджимушкайские, Старокарантинские, Багеровские) каменоломни оружие, боеприпасы, медикаменты, продовольствие. В разгар весеннего наступления Красной Армии на Крым не было, казалось, дня, когда бы партизаны не нанесли удар. Остановить их не могли никакие жертвы. Они нападали днем и ночью на отдельные белогвардейские части и казармы, на стоящие в порту суда, на вокзал, полицейские участки, на маяки.

Иногда разворачивались настоящие сражения, и тогда в белые штабы шли донесения: партизаны «повели наступление целью до 100 чел. от скал, находящихся северо-западнее Брян-

ского завода¹, обстреливая железную дорогу и северную окраину Брянского завода, заняли Царский курган — полторы версты северо-западнее завода...». А то группа партизан совершила налет на сыскное отделение или, переодевшись в офицерскую форму, снимала белогвардейские посты. Но так или иначе все было подчинено одной цели: подготовке восстания, которое должно помочь Красной Армии прорвать фронт.

Террор белых не знал границ. Взрывами и удушливыми газами они уничтожили не только партизан Петровских каменоломен, но и находившихся под землей женщин, стариков, детей. Газовая атака была применена и в Старокарантинских каменоломнях. Уже после этого деникинский полковник Коновалов телеграфировал: «Необходимо просить англичан доставить в Керчь удушающих газов 50 тыс. килограммов». Аджимушкайские каменоломни бомбили с воздуха, обстреливали с кораблей, блокировали, взрывали, но, несмотря на это, вылазки, нападения, диверсии продолжались.

Против партизан действовали: 2-й конный полк, 1, 3, 4 и 7-й эскадроны сводного кавалерийского полка Кавказской дивизии, три роты сводного гвардейского батальона, особый казачий кубанский дивизион, несколько орудий и бронепоезд. В подкрепление были посланы четыре эскадрона сводноказачьего полка, керченская рота, конвой командарма и Крымский конный полк.

Поразительно, что и в этих условиях партизаны не выпускали из рук инициативу. А в ночь на 23 мая (старого стиля) 1919 года произошло невероятное: 250 вооруженных винтовками партизан сами пошли в наступление на гарнизон города, который насчитывал несколько тысяч человек. Перед этим они, разбившись на три отряда, тайными ходами вышли из катакомб. Удар был отчаянным и ошеломляющим. Белогвардейский гарнизон охватила паника. А к ворвавшимся в Керчь партизанам присоединялись рабочие, крестьяне, рыбаки, моряки...

Восставшим удалось захватить северо-западную часть города и укрепиться на горе Митридат.

Внезапность, захват господствующей высоты — все было продумано правильно, однако силы были неравны, да и обстановка на фронте складывалась к тому времени не в нашу пользу.

Здесь нужно отметить еще одно обстоятельство. Пытаясь оправдать свою неспособность справиться с керченскими партизанами, белые неоднократно ссылались на существующую якобы связь между каменоломнями и фронтом.

¹ «Скалами», как уже говорилось, здесь называют каменоломни. «Брянский завод» — нынешний завод имени Войкова.

«Я установил несомненную связь каменоломщиков с фронтом», — докладывал по прямому проводу своему начальнику белогвардейский полковник.

-- «На Керченский полуостров... беспрерывно просачиваются шаланды с большевиками, которые усиливают каменоломни», — вторил ему начальник штаба Крымско-Азовской белогвардейской армии. Наконец, командующий Крымско-Азовской армией генерал-лейтенант Боровский писал в оперативном донесении: «Установлена несомненная связь морем местных партизан Керченского района с советскими властями... Есть сведения о снабжении партизан оружием, привезенным из Совдепии».

Увы, все это было не так. «Партизанский штаб и подпольная партийная организация Керчи неоднократно пытались установить связь с командованием Красной Армии и партийными организациями Крыма, но сделать это не удалось. Посылаемые для связи товарищи не возвращались»¹. И все-таки керчане решились на это трагическое восстание, на вылазку из блокированных со всех сторон катакомб. Иного выхода у них, по-видимому, не было.

Около двух часов ночи 23 мая два отряда «произвели ряд нападений на интендантство, центральный телеграф, управление милиции, отделение контрразведки, авточасть, сыскное отделение и другие учреждения. Личными составами всех чинов управлений и учреждений нападения были отбиты и помещения управлений удержаны...». Так докладывали о событиях Деникину.

Ложь. И телеграф, и контрразведка, и значительная часть города были в руках восставших. Многие «чины» бросали оружие и бежали в поисках спасения на английские корабли. Третьим отрядом командовал бывший офицер-морьяк Петр Алексеев.

Однако к утру противник подтянул подкрепления, резервы, и открыл по позициям восставших ураганный артиллерийский огонь. Били горные, полевые орудия и главные калибры кораблей. Отвечать партизанам было нечем — пушек у них не было. Теперь, при свете дня, стал ясен весь трагизм их положения.

Под прикрытием артиллерийского обстрела белые перешли в наступление. Пленных не брали.

Белый террор принял самые ужасные, отвратительные формы. «В городе не было ни одного двора, где не было бы покойника или не происходили казни. Бандиты вытаскивали из кроваток малых детей и публично рубили их шашками. Партизана слесаря Никона Доровца они повесили за ноги и потом у него на теле вырезали полосы. Член партизанского штаба, старый ре-

¹ П. Н. Надинский. Очерки по истории Крыма, кн. 2, Крымиздат, 1957, стр. 189.

волюционер, политический каторжанин С. Н. Горбульский был повешен за ноги. Когда тело сорвалось, его снова повесили, зацепив крюком за ребро...». Так вспоминает член штаба Аджимушкайского партизанского отряда Г. Кутепов.

Мученическую смерть принял Петр Алексеев. Вместе с другими ранеными партизанами его удалось укрыть в городской больнице, но белогвардейцы выволокли раненых, пытали их, а потом убили.

Бои в городе не прекращались целый день. Неся тяжелые потери, партизаны отходили к каменоломням, и некоторым сильно поредевшим группам удалось снова укрыться под землей, где их с тревогой ждали около полутысячи женщин, стариков и детей.

А в Керчи продолжался кровавый разгул. Ветер раскачивал повешенных на фонарях, телеграфных столбах и деревьях. Несколько дней их не разрешали снимать. Полторы тысячи человек было убито 23 мая. О беспримерном мужестве, несгибаемой стойкости этих людей нам и напоминают сегодня названия керченских улиц: 23 мая 1919 года, Горбульского, Петра Алексеева...

Нелегко сложилась судьба остальных аджимушкайцев. С еще большей яростью белогвардейцы принялись взрывать выходы из каменоломен, стараясь похоронить людей заживо. Однако уцелевшие партизаны под руководством стариков-«скалян» штыками и тесаками стали пробивать новый потайной ход на поверхность. И это было, как новый бой. Вода и продовольствие кончились. Ежечасно умирали больные и раненые, на глазах чахли дети. Проходили сутки за сутками, а конца работы не было видно. Временами теряли надежду. Но вот однажды в едва появившуюся щель хлынул свежий воздух...

Выйдя глухой ночью на поверхность, измученные люди бросались в покрытую росой траву, чтобы хоть как-то утолить жажду.

Как ни обескровлен был керченский пролетариат, борьба в городе продолжалась. Снова — в который раз! — был реорганизован подпольный комитет, налаживались связи, на предприятиях восстанавливались партийные ячейки.

Осенью 1919 года на фронте произошел решительный перелом. Потерпев сокрушительное поражение под Орлом и Воронежем, белые стали откатываться на юг. В тылу у них набирало силу партизанское движение. Керчане опять начали готовить вооруженное восстание.

Из приговора военно-полевого суда:

«1920 г. июня 14 дня военно-полевым суд в Керчи... при закрытых дверях рассмотрел дело... обвиняемых в том, что в гор. Керчи в 1919 — в начале 1920 г. ...организовали Керченский ко-

митет Коммунистической партии большевиков, имевший в своем распоряжении средства для взрыва и склад оружия, собирали в пользу большевиков сведения о состоянии вооруженных сил на Юге России, распространяли прокламации, призывая население к восстанию и войска к переходу на сторону большевиков, ...а потому суд постановил: подсудимых Рудольфа Шмидта, 31 г., Илью Громозда, 34 л., Луи Генриха Рок-де-Спурго, 18 л., Ивана Смирнова, 23 л., подпоручика Корнилова, 24 л... подвергнуть смертной казни через повешение».

Однако никакие приговоры не могли изменить неумолимого хода истории. Обреченными были в конце концов сами палачи.

В начале апреля 1920 года главнокомандующим вооруженными силами юга России вместо Деникина был объявлен Врангель. В начале июня он начал наступление в Северной Таврии. Последнее наступление. Положение создалось поначалу напряженное, но в ожесточенных боях белые и на этот раз были разбиты, вынуждены бежать под защиту перекопских укреплений. 5 ноября Фрунзе дал директиву войскам Советского Южного фронта нанести решительный удар по противнику и овладеть Крымом. 7-го была начата переправа через Сиваш, 8-го обойдены Перекопские позиции и начат штурм Турецкого вала. А 16 ноября 1920 года М. В. Фрунзе докладывал по телефону В. И. Ленину:

«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

Удивительная судьба у этого города! И на сей раз он оказался на самом острие событий, в самом фокусе истории.

«ДАЕШЬ ЧУГУН!»

Двадцать с небольшим лет, которые прошли между окончанием гражданской и началом Великой Отечественной войны, если мерить большими масштабами, могут показаться всего лишь коротким мгновением в истории. Но мы-то знаем, что это были за годы. Менялась вся страна, разительные перемены переживала и древняя Керчь.

Первые годы после окончания гражданской войны были трудной порой восстановления разрушенного народного хозяйства. Заново, по существу, налаживались рыбный и соляной промыслы, приходилось поднимать из руин заводы и фабрики, восстанавливать транспорт.

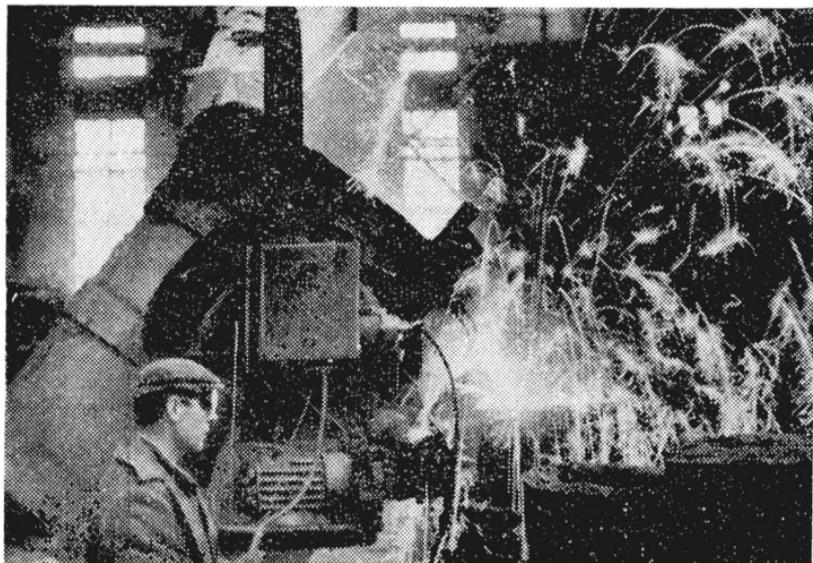
Состоявшийся в конце 1925 года XIV съезд ВКП(б) наметил курс на индустриализацию страны. Намечалось строительство крупнейших новых предприятий тяжелой промышленности, шла реконструкция старых заводов. Такая грандиозная программа требовала огромного количества металла, и в ряду других важнейших задач хозяйственного развития стал вопрос о возрождении и дальнейшем развитии Керченского рудно-металлургического комплекса. Именно в те годы возникло словосочетание, которое сегодня звучит так привычно: индустриальная Керчь.

И тут нам самый раз вернуться к первому впечатлению от города, когда на подступах к нему впереди, словно марево, возникают дымы Камыш-Буруна, а потом появляются похожие на гигантских ископаемых чудовищ отвальные мосты. То приметы Керчи железорудной...

20 апреля 1929 года в десять часов утра была задута первая домна металлургического завода имени Войкова. Отмечалось это как праздник, хотя, казалось бы, что тут особенного? Ведь был же здесь и раньше завод, притом крупнейший из промышленных предприятий Крыма. Но дело в том, что одна эта дом-

на давала чугуна в несколько раз больше, чем весь прежний завод, а строились еще две гораздо более мощные домны. Такие печи нуждались в большом количестве руды, и одновременно с их строительством проводилась коренная реконструкция рудника.

А кроме доменного цеха, возрождались на совершенно новой технической основе или строились сталелитейный, прокатный цехи, коксохимический завод, агломерационная фабрика (первая в нашей стране), цех по переработке томашлака, из которого получали прекрасное удобрение для полей—фосфатную муку. Такой размах строительства требовал небывалого

Разливка стали на металлургическом заводе им. Войкова.

количества стройматериалов, и снова ожили древние каменоломни, появились новые карьеры.

Конечно же, строились и жилые дома, и школы, и больницы, которых не хватало, расширялись традиционные для Керчи другие отрасли промышленности — мукомольная, табачная, соледобывающая, консервная, резко возросла добыча рыбы, но на первых порах главным был лозунг «Даешь чугун!».

А потом — «Даешь руду!».

На керченских горняков была возложена задача обеспечивать сырьем не только металлургов завода имени Войкова, но и доменщиков вновь строящихся приазовских заводов. В марте 1930 года «Правда» писала, что социалистическому строительству мало Криворожья и Урала, ему нужны и Криворожье, и Урал, и Керчь. Сама по себе такая постановка вопроса говорила о значении, которое приобретала в промышленном балансе страны керченская руда. Ее добыча должна была неизмеримо вырасти.

Утверждают, что запасы железной руды на Керченском полуострове достигают двух миллиардов тонн, что едва ли не весь полуостров «лежит» на руде. По качеству она, правда, уступает некоторым другим рудам (криворожской, например), но залегает совсем близко от поверхности земли — это ускоряет и удешевляет добычу. Здесь обходятся без шахт, да и карьеры сравнительно неглубоки.

Большое удобство представляет близость разработок к транспортным магистралям, к донецкому уголю. Кроме того, на полуострове найдены богатейшие запасы доломитизированных известняков, которые в дробленном виде используются в металлургическом производстве как флюсы.

Добычу начинают со вскрыши — обнажения рудного тела. Исполинский отвально-транспортный мост не только сдирает многоковшовым экскаватором слой пустой породы с руды, но и убирает эту породу. Важная деталь: сейчас после рудодобытчиков почти не остается отвалов, не остается, как это было в прошлом, десятков, сотен гектаров обезображенной, исключенной из сельскохозяйственного оборота земли. Технологический процесс построен таким образом, что, изъязв руду, горняки затем засыпают карьер, восстанавливают предварительно снятый слой чернозема и снова передают площадь для сельского хозяйства.

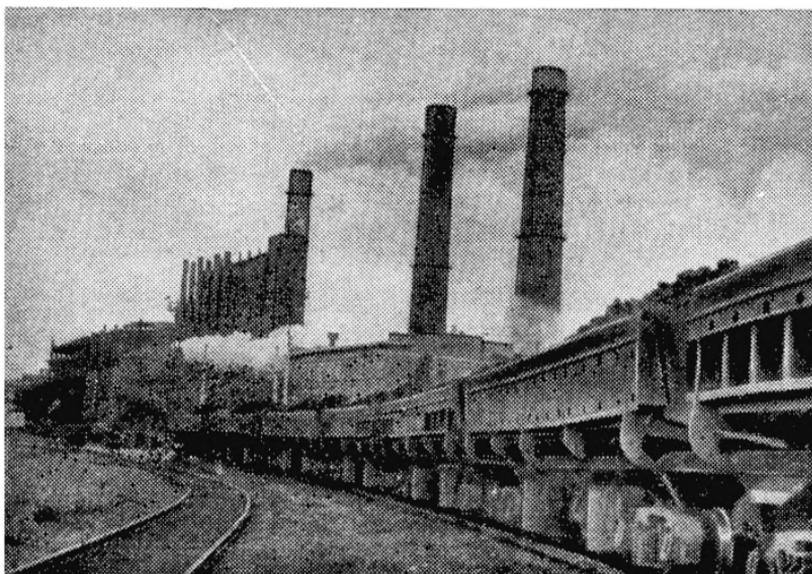
Предусмотрено здесь и другое. Работы ведутся на древней земле, которая таит в себе немало исторических и художественных ценностей. Поэтому наряду с разработкой руды опережающим фронтом идут раскопки, археологические исследования.

На дореволюционном фотоснимке можно видеть, как добывалась керченская руда раньше. Каторжным трудом под открытым небом — летом невыносимая жара, зимой морозы и жестокие ветры — были заняты тысячи людей. Карьер напоминал гигантский муравейник. И вскрыша и разработка пласта шли вручную, основными орудиями были кирка, лом и лопата.

Нынешние рудники, несмотря на их громадную производительность, поражают безлюдьем. Да это и немудрено — все процессы механизированы. Считанные минуты нужны мощному

экскаватору, чтобы наполнить состав железнодорожных саморазгружающихся полувагонов, подогнанных прямо к месту выемки руды электровозом. Один за другим спешат такие составы с красно-рыжей осадочной породой (это и есть руда) на обогатительную фабрику. А затем, «приправив» ее коксом и известковыми флюсами, из руды испекут огромный, тянущийся бесконечной лентой пирог — агломерат. Этот керченский агломерат и является главным сырьем для доменщиков.

Бесперебойное снабжение металлургов агломератом, повышение его качества — одна из важнейших забот керчан. Этим занят многотысячный коллектив Камыш-Бурунского железорудного комбината — одного из крупнейших и передовых предприятий своей отрасли.

На аглофабрике Камыш-Бурунского железорудного комбината.

Свыше 8 миллионов тонн руды, свыше 4 миллионов тонн агломерата дает Керчь ежегодно. (В 1913 году, заметим для сравнения, было добыто полмиллиона тонн руды.)

Особенность производственного процесса здесь в его непрерывности. Раньше много сил и средств отнимало охлаждение

раскаленного агломерата перед погрузкой на транспортные суда. Это было во всех отношениях невыгодно: требовало времени, дополнительных затрат и плохо отражалось на качестве доменного сырья. Теперь агломерату, то есть обогащенной и спеченной в прочные куски руде, не дают остыть. Он сразу же поступает в порт, грузится в лихтеры или на теплоходы-рудовозы, особо рассчитанные на перевозку такого огненного груза, доставляется в Жданов на завод «Азовсталь» и все еще горячим загружается в доменные печи. Это дает огромную экономию.

В обратный путь суда-рудовозы загружаются коксом для комбината.

Но сегодня мы говорим о добыче, агломерации, транспортировке миллионов тонн руды, как о решенной задаче, а тогда, в тридцатые годы, когда она только встала перед керчанами, для ее осуществления потребовались и силы, и мужество, и немалые лишения.

Стройка шла в трудных условиях. Создавалось первоклассное по своему техническому уровню предприятие, а квалифицированных работников в то время не хватало. Сроки были сжатыми, объем строительства — огромным. Кроме рудников, предстояло построить электростанцию, обогатительную и агломерационную фабрики, железнодорожный комплекс, современный, полностью механизированный порт. Южнее Керчи, в степи над морем, должен был вырасти большой благоустроенный поселок — настоящий город с магазинами, школами, столовыми, предприятиями бытового обслуживания.

Вот некоторые вехи этого строительства:

Октябрь 1930 года. Керченская городская партконференция обсудила задачи, вставшие в связи со строительством железорудного комбината.

1931 год. На строительство ассигнованы первые 7 миллионов рублей.

27 марта 1934 года. Получен опытный агломерат на заводе имени Войкова из сырой камышбурунской руды.

Декабрь 1934 года. Завершен монтаж первой агломашины.

6 августа 1936 года. Опробована обогатительная фабрика.

17—20 августа 1936 года. На завод имени Войкова отправлена первая партия камышбурунского концентрата.

29 октября 1938 года. В строй вступила электростанция.

23 февраля 1939 года. В строй вступила аглофабрика.

17 июня 1939 года. Одна из домен «Азовстали» задута на камышбурунской руде.

Керчь к тому времени стала важным промышленным центром и довольно благоустроенным городом. Ее население росло буквально скачками. Если в 1933 году здесь было 80 тысяч

жителей, то по переписи 1939 года керчан насчитывалось уже 104,5 тысячи. Конечно, проблем оставалось множество — водоснабжение, озеленение, городской транспорт, строительство жилья, нехватка рабочей силы... Но это так естественно: проблемы для того и возникают, чтобы их решать.

Люди, которые долго не были в Керчи, приезжая, поражались переменам. Тримя крупными массивами город на много километров раскинулся над проливом. Естественным центром одного была гора Митридат, другого — завод имени Войкова, третьего — железорудный комбинат. Шла деловая, размеренная жизнь. Затемно, как всегда, выходили на промысел рыбаки, дрожали, металась огни электросварки на судоремонтном, дребезжал трамвай, спеша из центра города в поселок Войкова, в полнеба полыхало зарево, когда доменщики выпускали чугун, шумел на старинной площади рынок, а неподалеку ворочали длинными шеями портовые краны...

Все это, ставшее привычным и давно знакомым, словно бы взорвалось в 1941-м, когда началась война.

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Великая Отечественная война...

Вот мы и подошли к периоду, когда уже в наше время с новой и необыкновенной силой проявился героический характер Керчи. В 1941-м и 1942-м, в 1943-м и 1944 годах здесь шли бои, следы которых можно видеть и сейчас, высаживались десанты, лилась кровь. На город обрушилась вся тяжесть военных невзгод. Как сказал, вручая городу-герою орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» министр обороны, Маршал Советского Союза А. А. Гречко, «дважды опаялся он огнем ожесточенных сражений при захвате его врагом, и дважды в упорных боях советские войска освобождали город от фашистских захватчиков. И, несмотря ни на какие трудности и лишения, город-герой выдержал, выстоял и победил».

С первых дней войны в Керчи, как и повсюду в нашей стране, жизнь резко изменилась. Предприятия перестраивались на военный лад, люди почувствовали всю меру ответственности, которая легла на плечи каждого. С приближением фронта в городе был создан комитет обороны.

Керченские заводы начали выпускать мины, гранаты, зажигательную смесь для борьбы с танками, минометы, бронеколпаки, противотанковые и противолодочные ежи. Судоремонтники приспособливали для военных нужд — переоборудовали и вооружали — рыбацкие и транспортные суда, на заводе имени Войкова и на железорудном комбинате построили два бронепоезда.

Но положение становилось все тяжелее. 25 октября фашисты прорвали фронт на Перекопском перешейке. Части Приморской армии стали отходить на юг, к Севастополю, а 51-я Отдельная армия — на Керченский полуостров.

Однако еще до этого керчане создали истребительный ба-

тальон для борьбы с вражескими десантниками и три бригады народного ополчения. Записывались в них нередко прямо на заводах, целыми рабочими коллективами. Ядром подразделений стали металлурги, агломератчики, судоремонтники, портовики, рыбаки. Боевое крещение они получили на подступах к родному городу, прикрывая вместе с частями 51-й армии переправу через пролив. Многие керчане ушли в армию, на флот.

Загодя создавались партизанские отряды. Их базой, как и в гражданскую войну, стали каменоломни. Другого надежного укрытия на безлесных и часто пустынных просторах Керченского полуострова не было.

В начале ноября, когда обстановка вырисовалась с угрожающей и недвусмысленной отчетливостью, партизаны скрытно ушли в катакомбы Аджимушкая и Старого Карантина. Приготовился действовать и тщательно законспирированный в самом городе областной партийный центр под руководством старого большевика и опытного подпольщика с еще дореволюционным стажем Ивана Андреевича Козлова.

...Три недели продолжались ожесточенные бои на Керченском полуострове. Противник потерял в них свыше 20 тысяч солдат и около 130 танков, но превосходство в силах было на его стороне. Оставлены Акмонайские позиции, враг приблизился к городу. Наконец, стрельба из автоматов слышна уже на Митридаде... 16 ноября Керчь была оставлена нашими войсками.

Всего полтора месяца хозяева здесь захватчики первый раз, но последствия были чудовищны. «Багеровский ров» — эти слова облетели в свое время весь мир. Люди еще не знали о Майданеке, Бухенвальде, Освенциме, и происшедшее в Крыму потрясло. В противотанковом рву в нескольких километрах от города были обнаружены вскоре после изгнания немецко-фашистских захватчиков трупы семи тысяч замученных керчан.

«Что представлял собой Багеровский ров? Длина его равна километру, ширина — четырем метрам и глубина — двум. И весь этот огромный ров забит трупами людей, от дряхлых стариков до грудных детей.

Вот у края рва лежит истерзанная молодая женщина. В ее объятиях — аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с ней лежат девочка лет восьми и пятилетний мальчик. Их руки вцепились в платье матери. Тут же рядом лежит труп и другой женщины. Как бы ища спасения, в ее колени уткнулся лицом мальчик лет десяти с пробитой головой... Мороз сковал каждого убитого в той позе, в какой он принял страшную смерть...»

Так писал очевидец. А ведь жертвы Багеровского рва — только часть жертв фашизма в Керчи.

Истребление мирных жителей фашисты начали с детей. В конце ноября 1941 года комендант города майор Гофен приказал детям явиться в школу для продолжения занятий. Пришли 245 ребят. Младших сразу же отделили и отправили «прогуляться» за город. Когда дети проголодались и продрогли, директор школы угостил их горячим кофе с пирожками. Тем, кому не хватило «угощения», другой немец — фельдшер просто помазал губы ваткой. В кофе и на ватке была синильная кислота. Малыши тут же погибли. Старших же школьников погрузили на машины, привезли ко рву и расстреляли из пулемета. Родителям фашисты цинично объявили, что в Керчи-де голодно, поэтому дети отправлены туда, где лучше обстоит с питанием...

В Керченском историко-археологическом музее периода Великой Отечественной войны посвящена значительная часть экспозиции. Документы, вещи, оружие, фотоснимки, картины помогают живо представить события тех уже далеких лет. Но ни с чем не сравнимое впечатление производит один экспонат — скромная детская игрушка, обыкновенный матерчатый зайчик. Он тоже побывал в Багеровском рву. Его взяли из рук расстрелянного фашистами ребенка....

Дикие зверства, утонченный садизм, пытки и казни не смогли, однако, сломить керчан. Самоотверженно действовали подпольщики; партизаны своими вылазками отвлекали к каменоломням немалые вражеские силы, которые так нужны были гитлеровцам на фронте. В историю Великой Отечественной войны вошло имя керченского мальчика, геройского разведчика Старокарantinского отряда Володи Дубинина, посмертно награжденного орденом Красного Знамени. Он погиб уже после освобождения города, помогая разминировать вход в каменоломни.

Именем Володи Дубинина названы в Керчи улица, школа, в одном из центральных скверов ему поставлен памятник.

По самому своему положению Керчь всегда имела большое стратегическое значение. Так получилось и на этот раз. С городом были связаны далеко идущие планы. Немецкое командование задумало прыжок через пролив на Кавказ. Трамплином для этого прыжка должна была стать Керчь. Однако пока держался Севастополь, ни о чем таком гитлеровцам не приходилось и помышлять. Начался яростный и кровопролитный второй штурм Севастополя. И в это время наши войска и Черноморский флот нанесли неожиданный мощный удар — высадили десанты на Керченский полуостров.

Керченско-Феодосийская операция оказалась крупнейшей десантной операцией Великой Отечественной войны. Проводи-

лась она по решению Ставки Верховного Главнокомандования и была частью общего зимнего наступления Красной Армии 1941—1942 года. Участвовали в ней крупные силы армии и флота. Для переброски десантников через пролив, а также по Азовскому морю использовались буксиры, шаланды, катера, множество сейнеров и рыбацких лодок-байд. Команды этих небольших судов хорошо знали побережье со всеми его бухтами, мысами и пляжами, на которых должны были высаживаться десантники. Однако пестрая армада разнотипных кораблей плохо переносила штормы и была трудно управляема.

25 декабря и десантники и моряки готовы были действовать. Погоду на 26-е обещали сносную, но к ночи разразился семибалльный шторм. Обычно при таком ветре и волнении небольшие суда остаются в укрытиях — на этот раз они вышли в море. Преодолевая жестокий шторм, неся потери, корабли Азовской военной флотилии высадили десантников севернее Керчи — у мысов Зюк, Тархан и Хрони. А погода все ухудшалась, началась пурга, корабли обледеневали. Противник, опомнившись, стал оказывать яростное сопротивление. Каждый рейс азовцев был подвигом, и все-таки они переправили свыше шести тысяч бойцов, несколько танков, орудий, минометов, автомашин, больше двухсот тонн боеприпасов.

Боевым друзьям, отдавшим жизнь за освобождение Родины.

В столь же трудных условиях производили высадку южнее города корабли Керченской военно-морской базы. Здесь основным районом десантирования стал Камыш-Бурун.

Были дни, когда стихия оказывалась сильнее человека, но стоило шторму чуть ослабеть, корабли опять шли в свои опаснейшие рейсы — под огонь орудий, тяжелых минометов и авиации противника. 26—30 декабря Керченская военно-морская база переправляла через пролив свыше 11 тысяч человек, около полусотни орудий и двухсот минометов. Подвиг стал чуть ли не нормой поведения экипажей торпедных и сторожевых катеров, морских охотников, сейнеров и барж, бойцов и командиров десантных отрядов. Когда пролив замерз, переправа на крымскую землю производилась по льду.

Шторм во многих случаях не давал кораблям приблизиться к берегу, десантники из частей и соединений 51-й армии прыгали в ледяную воду на виду противника и тут же с ходу шли в атаку. По нескольку раз приходилось захватывать одни и те же плацдармы...

Здесь уместно вспомнить об одном из эпизодов этих боев. В числе первых на керченском берегу высадилась небольшая группа моряков-связистов, которой командовал капитан Д. С. Калинин. Задание у них было такое: информировать командование о происходящем, помогать взаимодействию частей десанта. С этим справились. Но получилось так, что, выполняя свою задачу, связисты оказались на самом остром событии, превратились по существу в один из штурмовых отрядов. Им сопутствовал успех — первый удар ошеломил немцев, — и моряки этим воспользовались. Захватили трофейное оружие, автомашину, лошадей; и однажды зимним утром, когда занимался, брезжил сквозь морской туман новый, 1942 год, в Керчь вошел на рысях отряд моряков-кавалеристов. На улице их встретил старик. То был руководитель подполья И. А. Козлов. Позже он описал эту встречу с Калининным в своей ставшей широко известной книге «В крымском подполье».

Представляя Д. С. Калинина к ордену, командование отмечало: «...высадившись на берег, задачу выполнил и, продвигаясь вперед с отрядом краснофлотцев, первым вступил в г. Керчь. Был первым комиссаром гарнизона освобожденного от фашистов города».

Высадкой на азовском побережье, севернее Керчи, командовал контр-адмирал С. Г. Горшков, а южнее, в проливе, — контр-адмирал А. С. Фролов. Но это была первая часть операции. Когда фашисты, стремясь во что бы то ни стало сбросить десантников в море, оттянули войска к Керчи, в тылу у них, в Феодосии, на рассвете 29 декабря при поддержке огнем крейсеров и эсминцев стали высаживаться главные силы десан-

та — части 44-й армии. Это был еще более неожиданный и сокрушительный удар.

Гитлеровцам не помогли сильное артиллерийское прикрытие Феодосийского порта, пулеметные гнезда на причалах, сетевое заграждение и минирование входа в гавань. Смело задуманный десант осуществлен был с подлинной отвагой. Корабли ворвались под огнем прямо в порт, высадка производилась непосредственно на пирсы. Первая волна десантников не стала задерживаться в городе, рванулась вперед и овладела господствующими высотами. К исходу 29 декабря наши бойцы полностью очистили Феодосию. В ночь на 30-е была освобождена Керчь. Бегство гитлеровцев стало паническим. 1 января 1942 года советские войска, наступавшие со стороны Феодосии и со стороны Керчи, соединились.

При отступлении врага из Керчи в тыл ему ударили партизаны Аджимушкайского отряда имени Ленина.

Керченско-Феодосийская операция сорвала в то время далеко идущие планы гитлеровцев и существенно усложнила их положение на юге. Оттянув на себя большие вражеские силы из-под Севастополя, бойцы возникшего на Керченском полуострове нового фронта крепко помогли осажденному городу. Первая военная зима стоила фашистам немалых потерь, укрепила решимость нашего народа сражаться насмерть с потерявшими человеческий облик варварами, показала всему миру нашу способность бить врага на суше и на море.

А Керчь с первых же часов освобождения взялась за труд. Вот как она выглядела по свидетельству очевидца — писателя П. Павленко: «Вспомним многострадальную Керчь 1942 года. В страшном «тыловом» городе, бомбимом от зари до зари, всегда что-нибудь горело или взрывалось. Когда я увидел Сталинград, он не потряс мое воображение, ибо я до него уже видел Керчь. Территория Сталинградского тракторного завода была так же изуродована, как и площадка завода имени Войкова, и оба эти завода вдруг сразу стали похожи один на другой, как две гигантские братские могилы...»

И все-таки Керчь жила, и завод имени Войкова не был просто «братской могилой». Уже в середине января здесь начали выпускать саперные лопаты, ложа для винтовок и автоматов, окопные печи, начали ремонтировать орудия, минометы, тягачи, танки, автомобили. Не отставали и другие предприятия. Рабочий город ничего не потерял из своей изобретательности, благородства и смелости.

Как ни пытались, скажем, гитлеровцы наладить лов керченской сельди, чем только не грозили рыбакам, как ни расправлялись с ними — ничего не вышло. А сейчас те же рыбаки, собрав кое-что из уцелевших суденышек и снастей, выходили

на промысел, несмотря на шторм, несмотря даже на то, что фашистские самолеты устраивали охоту чуть ли не за каждым ботом.

А сколько керченских рыбаков надели военные бушлаты и бескозырки, установили на своих «дубках» пулеметы, а то и пушки! Их называли дружески-насмешливо «тюлькиным флотом» (по названию самой мелкой рыбешки — тюльки), но не счесть боевых операций, в которых участвовал этот «тюлькин флот». Обыкновенные рыбацкие суда прорывались в тыл врага и высаживали десанты, патрулировали побережье, уводили из-под огня баржи с ранеными, доставляли боеприпасы.

Героями показали себя керченские портовики и железнодорожники, от которых во многом зависело снабжение фронта всем необходимым. Еще после массовой бомбежки 27 октября 1941 года Керченский порт вышел в значительной степени из строя. Что делать? Ведь все грузы идут сюда из-за моря. Быстро был восстановлен Камыш-Бурунский порт, где сохранились краны. Когда же и здесь положение стало почти невыносимым из-за воздушных налетов, керчане вспомнили, что до войны пароходы-угольщики подходили к причалу завода имени Войкова. Он и стал теперь как бы резервным портом.

Железнодорожники восстановили мосты и полотно до самого фронта. Это стоило невероятных усилий. Налеты неприятельских самолетов, артиллерийский обстрел стали для паровозных бригад едва ли не обычным делом, так же как и необходимость заделывать пробоины после отражения таких налетов. Каждый рейс к фронту был подвигом.

Изобретательность керчан, казалось, не знала границ. В городе понадобилось пустить трамвай, однако электроэнергии не хватало. Как же быть? Выход нашли в том, что срочно восстановили два заводских маневровых паровоза. И вот по городу побежали странные составы, состоящие из трамвайных вагонов с паровозом в голове...

Многие промышленные предприятия были переведены в каменоломни.

Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» звучал в то время по всей стране, но здесь, в Керчи, он приобрел особую конкретность, потому что город пережил уже ужасы гитлеровского «нового порядка» да и фронт был совсем рядом. Сама Керчь, по существу, была фронтом. Город жил трудной, но боевой, полнокровной жизнью. И вдруг страшный своей внезапностью удар...

Ни с чем не сравнимые испытания выпали на долю Керчи в мае 1942 года. Гитлеровское командование запланировало на предстоящее лето наступление, которое, по его замыслу, должно было окончательно решить исход войны. Чем все это

закончилось, мы знаем: разгромом фашистских захватчиков под Сталинградом и сокрушительными их поражениями на Кавказе, однако начало битвы было для нас грозным.

Ни о каком широком немецком наступлении не могло быть и речи, пока южному флангу гитлеровцев угрожали Севастополь и группировка советских армий, сосредоточенная на Керченском полуострове, — Крымский фронт. Сюда немцы и обрушили свой первый удар.

8 мая после ожесточенной бомбежки немецко-фашистские захватчики перешли в наступление и прорвали фронт. Наши части — а в них было много необстрелянных солдат — под непрерывным огнем противника откатывались к проливу. Остановить врага не удалось. 14 мая он подошел к Керчи.

Керченский полуостров снова был оккупирован, и в условиях гораздо более неблагоприятных для организации отпора врагу. Однако многие бойцы ушли в подземелья Аджимушкайских каменоломен с твердой решимостью продолжать борьбу.

Да, центром сопротивления гитлеровцам на этой земле опять стали Аджимушкайские каменоломни.

...Еще недавно здесь располагался штаб фронта. В штольнях горел электрический свет, у входов стояли часовые. Здесь были склады — подходили машины, загружались и снова спешили к фронту. Сюда везли раненых: в подземных убежищах, где не страшны бомбежки и артиллерийские обстрелы, разместились несколько госпиталей. На многие километры, иногда в несколько этажей протянулись под землей коридоры выработок...

Когда воздушные налеты и обстрелы участились, из города и окрестных сел в Аджимушкай потянулись со своим скарбом целыми семьями женщины, старики, дети. Их были тысячи. В подземелье стало оживленно и шумно, но то было тревожное оживление. Неподалеку шел бой. Танковые колонны врага, прорвав нашу оборону, рвались к проливу, в небе стоял неумолчный гул — сотни немецких самолетов днем и ночью бомбили переправу. Над перепаханной воронками холмистой степью, над городом полыхало пламя и стлался дым....

Но предоставим слово тем, кто видел все это воочию. Вот строки из воспоминаний непосредственных участников событий тех далеких лет¹:

Лейтенант Н. Филиппов. Когда противник прорвал нашу линию на Акмонае и двинулся в направлении Керчи, мы получили приказ прикрывать отход войск через переправу на Большую землю, а затем нам было приказано занять оборону вокруг катакомб, где находилось много наших раненых.

¹. Цит. по книге «В катакомбах Аджимушкай». Симферополь, 1975.

Первые дни мы занимали позиции приблизительно на расстоянии километра от каменоломен, потом отходили к ним все ближе и ближе, пока под натиском врага не оказались внутри подземных галерей... 17 мая фактически закончились оборонительные бои вокруг каменоломен.

Майор А. Пирогов. Как выяснилось, в подземелье скопилось около десяти тысяч человек...¹

...Проснувшись утром 18 мая, я увидел перед собой при тусклом свете электрической лампочки лицо майора Колесникова... На мой вопрос, какие новости доходят сверху, он ответил: — Приятного мало. У самого входа в каменоломню стоят немецкие танки...

Младший лейтенант А. Трофименко. Целую ночь наши разведчики вели усиленную перестрелку с целью выявления огневых точек противника. Воду брали с большим трудом. У церкви, которая находится метрах в 200, расположилась минометная батарея. Ведет ураганный огонь по колодцам. Есть убитые и раненые. Положение гражданского населения ухудшается. Хлеба нет, воды нет. Дети плачут, бедные матери успокаивают их.

(Из дневника, найденного в каменоломнях).

Старший лейтенант Ф. Казначеев. Тревога! Без лишней суеты все заняли свои места... Выясняется, что к центральному входу подошли гитлеровцы и сверху над первой катакомбой что-то бурят. Прислушиваемся к гудению, но разгадать вражескую затею пока не можем. Через час последовал взрыв. Взорвали первую катакомбу у входа, где находилась охрана. Погибли под глыбами все, кто находился там в этот момент.

Майор А. Пирогов. Немцы решили закупорить нас... Взрыв был настолько сильный, что на десятиметровой глубине еще долго то и дело происходили обвалы. Толстые пласты камня отрывались от потолка, хороня под собой все живое. Вслед за этим последовала еще серия взрывов. Все известные врагу ходы заваливались камнем, забрасывались железом, колючей проволокой... Немцы обнесли Аджимушкайские каменоломни кольцом колючей проволоки, минировали и пристреляли дороги и тропы, ведущие к выходам. За проволочными заграждениями тянулись окопы. Там сторожили нас вражеские солдаты, открывая огонь по всякому, кто появлялся на поверхности.

Таким образом, казавшиеся в первые момент спасительными Аджимушкайские каменоломни стали как бы гигантской западней

¹ По другим источникам, в каменоломнях находилось 12—15 тысяч человек.

для тысяч людей. Однако так ли это? Гитлеровцы были абсолютно уверены, что дело обстоит именно так, что сдача гарнизона в плен — дело считанных дней, и все, казалось бы, подтверждало это. В самом деле, ведь не могут же люди обходиться без воды! А «единственным источником водоснабжения был колодец, расположенный в тридцати метрах от главного входа. По ночам за водой отправлялись вооруженные экспедиции». Каждый метр из этих тридцати немцами был пристрелян. Пулеметные очереди (а патронов гитлеровцы не жалели) буквально сметали наших бойцов. Но кому-то нужно было добывать воду для раненых, для детей, и поднимались новые смельчаки. «У колодца, — пишет А. И. Пирогов, — возникали настоящие сражения. За несколько ведер воды платили потоками крови. Но и этот колодец к концу мая был завален трупами и издавал зловоние».

И все-таки просто западней, ловушкой для отступивших под землю советских солдат катакомбы не стали.

...Четверо суток сражалась в полном окружении среди развалин завода имени Войкова группа бойцов, которыми командовал подполковник Бурмин. Пробиваться к морю было бессмысленно — немцы уже повсюду вышли на побережье. Рассредоточиться и пытаться уходить по одному? Но сейчас они —

Вход в катакомбы Аджимушкай.

сила, а тогда немцы похватают и перебьют всех поодиночке... Ценой невероятных усилий и жертв группа Бурмина ночью разорвала кольцо противника, прорвалась к Царскому кургану, уже здесь отбила несколько атак и ушла «в скалу».

Эти люди шли сюда не для того, чтобы отсидеться, переждать опасность — они и не думали складывать оружие. Катакомбы стали подземной крепостью. Бойцы были разбиты на батальоны. Каждый получил свой участок обороны. Участки делились на секторы. Начальником гарнизона стал полковник П. М. Ягунов (а после его гибели — подполковник Г. М. Бурмин), комиссаром — старший батальонный комиссар И. П. Парахин.

Ядром гарнизона стал отряд Ягунова, которому 16 мая 1942 года командующим фронтом было приказано: «Отход и эвакуация по особому приказу». Они должны были прикрыть товарищей, задержать наступление врага. В силу обстоятельств приказа на отход полковник Ягунов не получил, и отряд стоял насмерть...

Так было в Больших каменоломнях. Но неподалеку находились не сообщавшиеся с ними Малые Аджимушкайские каменоломни. Здесь занял круговую оборону гарнизон, которым командовал и ныне живущий в Керчи старший лейтенант М. Поважный.

Майор А. Пирогов. Несмотря на отчаянное положение, оставшиеся в катакомбах войска продолжали сражаться. Наши снайперы уничтожили из амбразур не одну сотню вражеских солдат, а разведчики однажды привели группу захваченных в плен румын. Все это вызывало бешенство фашистского командования. Все чаще слышались взрывы.. Но подземные бойцы продолжали войну

Старший лейтенант М. Поважный. Оружие наше пополнялось трофейным после каждой вылазки, а однажды ночью мы так неожиданно напали на спящих гитлеровцев, что они в одном белье бежали в Керчь. Мы продержались на поверхности всю ночь, но к утру фашисты перебросили к Аджимушкаю большие силы, и мы вынуждены были снова занять оборону в нашей подземной крепости. Мы не теряли надежды, что свяжемся с Большой землей, что пробьемся к своим. Но когда? Как?

Да, они не просто ждали и надеялись, они сражались. И не было силы, которая могла бы их сломить. Жизнь гарнизона подчинилась строгому воинскому порядку: выставлялись посты, совершались смелые вылазки, проводились занятия, на которых зачитывали принятые по радио очередные сводки Совинформбюро. Со всех сторон блокированная подземная крепость не думала сдаваться.

А гитлеровцы неистовствовали. Широковещательно объявив о разгроме целого фронта, они не могли справиться с загнанными в подземелье голодными, измученными людьми. И дело тут было даже не в престиже. Полк обороны Аджимушкайских каменоломен — так иногда именовали себя бойцы катакомб — был боевой единицей, реальной угрозой; он отвлекал, оттягивал на себя войска и технику, причинял ощутимый урон противнику, создавал очаг напряженности и беспокойства в стратегически важном районе.

Уговоры, посулы, угрозы, лживые сообщения о взятии Москвы, наконец страшной разрушительной силы взрывы — ничто не помогало. Стоило гитлеровцам снова перейти в наступление, как амбразуры, щели, едва заметные расселины в скалах оживали, встречали их яростным огнем. Тогда 24 мая 1942 года фашисты пошли на невероятное злодейство: они предприняли газовую атаку.

Из дневника младшего лейтенанта А. Трофименко: *«Человечество всего земного шара, люди, всяких национальностей! Видели ли вы такую зверскую расправу, какую применяют германские фашисты? Нет! Я заявляю ответственно — история нигде не рассказывает нам о подобных извергах. Они дошли до крайности. Они начали давить людей газами. Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но увы они лежали мертвыми на земле с разорванными на груди рубахами, кровь лилась изо рта...*

...Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Кто-то поднял и потащил к выходу. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу — спасать раненых, что были в госпитале. Ох, нет, не в силах описать эту картину! Пусть расскажут толстые каменные стены катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены»

Радиограмма, переданная рацией Аджимушкайского гарнизона: *«Всем! Всем! Всем! Всем народам Советского Союза! Мы, защитники Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся! Ягунов».*

Число погибших в газовой атаке не поддается точному учету. Жертвы были ужасающими. После этого было решено, что гражданское население покинет каменоломни. Но тысячи (да, тысячи!) солдат и офицеров по-прежнему остались под землей. Перед ними была все та же задача: «Оставаться всем на своих местах, регулярно совершать вылазки наверх, нападать на противника и, отвлекая на себя как можно больше вражеских сил, помогать нашей армии».

Была у аджимушкайцев и другая, не столь мучительная воз-

возможность. Она даже обсуждалась на заседании военного совета: создать сильную ударную группу, с боем прорваться сквозь заслоны противника к проливу, а там, если удастся, переправиться на таманский берег, если же не удастся, то пробиться в горы, к партизанам.

Конечно, можно привести множество доводов и доказать, что это было неосуществимо. Но в равной степени невозможным

Священные камни Аджимүшкал...

было и все то, что они делали до сих пор. От отчаянно рискованного плана их отвратила не его неосуществимость — эти люди уже перешагнули ту грань, когда возможности человека оцениваются обычными мерками. Их остановило другое. Полковник Ягунов сказал: «Не можем мы бросить на произвол судьбы раненых товарищей. Оставить их здесь — значит обречь на верную гибель. Мы обязаны превратить каменоломню в настоящую крепость». И все согласились с ним.

Аджимушкайцы дали миру великий образец верности воинскому долгу, благородства, взаимной выручки и боевого братства.

Еще несколько месяцев фашисты с дьявольской методичностью продолжали газовые атаки: с 10 утра до 4 часов дня ежедневно, кроме воскресений, мощные компрессоры закачивали в подземелье желтый ядовитый дым. По-видимому, в этой методичности был и чисто психологический расчет: гибельде неотвратима. Но если гитлеровцы делали ставку на это, то просчитывались. Аджимушкайцы нашли способ защищаться от газовых атак: устроили в подземных выработках простейшие газоубежища; заранее определяя с помощью специально выделенных дежурных — «слушачей» места, где гитлеровцы долбят ямы для очередного заряда взрывчатки, они покидали опасные штольни; ценой невероятных усилий и человеческих жертв под землей, в сплошном скальном грунте, был пробит колодец, который обеспечил гарнизон водой. Этот колодец — воистину памятник мужеству. Его и сейчас можно видеть в катакомбах Аджимушкая. Здесь, в каменоломне, устроен музей, воспроизводящий обстановку военных времен.

В большинстве своем гражданское население покинуло катакомбы, но кое-кто из местных жителей все-таки остался. И тут нужно назвать старого «скалянина» Николая Семеновича Данченко. Вместе с сыном Колей он был проводником в подземном лабиринте и советчиком, когда планировалась очередная вылазка наверх. Они шли впереди разведчиков и штурмовых групп. Оба пали как герои.

170 дней и ночей — с мая по конец октября 1942 года — продолжалась неравная борьба. С каждым днем силы защитников таяли. Они гибли в боях, их косили болезни, раны, голод, мрак, сырость. Но когда 28 октября в Больших каменоломнях и 30—31 октября в Малых фашисты предприняли последний штурм, их снова встретил огонь.

В живых остались лишь немногие из аджимушкайцев. Сравнительно немногие из павших героев известны по именам. Тысячи погибли и похоронены в братских могилах безвестными. Важные обстоятельства, подробности борьбы остались до сих пор невыясненными. Есть, например, сведения о том, что ко-

мандование подземного гарнизона имело связь с керченскими подпольщиками. Фашисты сообщали о ликвидации этой группы, 14 подпольщиков было расстреляно. Но кто они, эти беззаветно преданные Родине люди?

Сравнительно недавно стало известно и то, что бойцы подземной крепости продолжали сражаться и после штурма, который казался последним. 14 ноября 1942 года гитлеровцы в своей оперативной сводке сообщали: «Из пещер Аджимушкай был обстрелян румынский пост. После взрыва пещеры удалось захватить в плен 20 человек во главе с их начальником штаба — советским старшим лейтенантом». Кто они, эти мужественные бойцы?

Аджимушкайская эпопея — поразительное проявление силы человеческого духа, одна из героических страниц истории Великой Отечественной войны.

Поэт Илья Сельвинский, побывав в ноябре 1943-го в Аджимушкае, писал:

*Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством.
Встать!*

*Страна велит нам почести воздать
Великим мертвецам Аджимушкай.
Воспрянь же, в мертвый погруженный
сон,
Подземной цитадели гарнизон!*

*Здесь был военный госпиталь. Сюда
Спустились пехотинцы в два ряда,
Прикрыв движенье армии из Крыма.
В пещерах этих ожидал их тлен.
Один бы шаг, одно движенье мимо —
И пред тобой неведомое: плен!
Но, клятву всем дыханием запомя,
Бойцы, как в бой, ушли в каменоломни.*

Катакомбы Аджимушкай были главным узлом сопротивления оккупантам. Главным, но не единственным. Из-за неожиданности прорыва Акмонайских позиций на Керченском полуострове не удалось загодя сформировать подпольные группы и заложить базы для партизан. Несмотря на это, борьба керчан с гитлеровцами началась с первых же дней оккупации. Уже в начале июля 1942 года подпольщики организовали побег из тюрьмы группы заключенных. В городе распространялись листовки,

выходила газета «Керченский партизан», подпольщики укрывали бежавших из лагерей военнопленных, устраивали диверсии, срывали выполнение приказов фашистского командования. Не опустели после гибели героического подземного гарнизона Аджимушкайские каменоломни — в 1943 году их избрали своей базой партизанские отряды.

Партизаны базировались в 1943 году также на Старокарантинские каменоломни.

Между тем на фронтах Великой Отечественной войны наступил перелом. Гитлеровцы потерпели сокрушительные поражения в решающих битвах под Сталинградом и на Курской дуге. Войска 4-го Украинского фронта, выйдя после разгрома немецко-фашистских захватчиков под Мелитополем на Перекоп, отрезали Крым с севера, а воины Северо-Кавказского фронта вышвырнули гитлеровцев с Таманского полуострова. На противоположном берегу пролива лежала разрушенная, все еще находящаяся в руках противника Керчь.

В те дни Военный совет Северо-Кавказского фронта обращался к бойцам: «На долгие годы не померкнет ваша слава, слава героев битвы за Кавказ и Кубань... Перед вами стоит вторая, не менее ответственная и не менее важная задача — ворваться в Крым и очистить его от немецко-фашистских захватчиков... В данный момент самое главное и важное — форсировать и преодолеть Керченский пролив...»

Задача эта была неимоверно трудна. Гитлеровцы основательно укрепились в Крыму, приготовились к отражению десантов, ждали их. Только на Керченском полуострове вражеская армия насчитывала 85 тысяч человек с танками, артиллерией и авиацией. Сам пролив был минирован, фашисты поставили в его водах около шести тысяч морских мин, подтянули сюда много хорошо вооруженных и бронированных быстроходных десантных барж (БДБ), которые были опасным противником для наших больших кораблей.

И опять — штормовое море, ночь, бросок на катерах через пролив, высадка и атака десантников — яростная, не знающая удержу уже потому хотя бы, что эти люди должны идти только вперед, отступать им некуда.

Это было в ночь на 1 ноября 1943 года. Под именем **О г н е н н о й з е м л и** вошел в историю небольшой, насквозь простреливавшийся противником плацдарм, захваченный нашими бойцами у рыбацкого поселка Эльтиген южнее Керчи. Сам поселок называется теперь **Г е р о е в с к о е**. Здесь и впрямь все были героями.

Километрах в трех от поселка у кургана стоит обелиск. 18 автоматчиков из батальона морской пехоты в первые же часы высадки захватили этот курган и все до единого полегли здесь,

но не пропустили врага. Командовал бойцами Герой Советского Союза младший лейтенант Шумский.

Но то был лишь один из эпизодов операции, которая стала поистине легендарной. Для ее уцелевших участников эти слова — «Эльтиген», «Огненная земля» — до сих пор звучат как пароль.

Плацдарм у Эльтигена захватили при поддержке артиллерии и авиации части 318-й Новороссийской стрелковой дивизии полковника В. Ф. Гладкова, 386-й отдельный батальон морской пехоты капитана Н. А. Белякова и 335-й гвардейский стрелковый

Здесь, на этом берегу, высадился Эльтигенский десант.

полк полковника П. И. Нестерова. Все они имели опыт наступательных боев, многие солдаты, матросы, офицеры отличились на Малой земле, при штурме Новороссийска. Обеспечивали высадку дивизионы катеров Черноморского флота.

Жестокий шторм и ураганный огонь немецких батарей привели к большим потерям. Дело в том, что катера и мотоботы

должны были на сей раз пересечь пролив в самом широком его месте.

Бушующий прибой и мелководье не позволили части судов приблизиться к берегу, бойцы добирались до него, преодолевая накат, сами. Даже легкое ранение в таких условиях нередко становилось смертельным.

Меньше половины десантников — две с половиной тысячи человек — удалось высадить в ту первую ночь, однако они оттянули на себя во много раз большие силы противника. Берег был заминирован, над ним господствовали вражеские доты, и все-таки наши бойцы сбили гитлеровцев с высот, захватили поселок.

1943 год. После выполнения боевого задания.

Он был сравнительно невелик, этот эльтигенский «пятачок», его площадь была всего три километра на полтора, но немцы видели в нем угрозу и стремились во что бы то ни стало уничтожить десант. Враг поспешно подтягивал сюда и пехоту, и танки, и артиллерию. Нередко положение становилось отчаянным, немецкие танки подходили вплотную, окопы сплошь были перепаханы разрывами снарядов и мин, но десантники стояли. Их поддерживала тяжелая артиллерия, расположенная на таманском берегу, не раз выручали налетавшие из-за пролива эскад-

рильи наших штурмовиков. А когда немцы блокировали плацдарм с моря, летчики стали сбрасывать на береговой «пятачок» мешки с самым необходимым—боеприпасами, медикаментами, продуктами. Днем это делали все те же штурмовики, а с наступлением темноты — девушки из гвардейского Таманского женского полка ночных бомбардировщиков

Однако Эльтигенский десант был только частью более широко задуманной операции. В ночь на 3 ноября, когда Огненная земля уже оттянула на себя значительные силы противника, зарево от множества артиллерийских разрывов вспыхнуло северо-восточнее Керчи. Тысячи наших снарядов обрушились на укрепленный немцами обрывистый крымский берег. Вслед за этим в районе Глейки—Жуковка начали высадку главные десантные силы. Пролив форсировали 2-я и 55-я гвардейские дивизии 56-й армии. Два строгих металлических обелиска на берегу показывают сегодня этот путь. Один в самом низу; другой на вершине холма первым встречает восходящее солнце.

Бои северо-восточнее Керчи.

Берег был сплошь минирован, крутой склон нашпигован дотами, дзотами, блиндажами, изрыт окопами противника. Немцы понимали, что им грозит, и открыли ураганный огонь. Вражеская артиллерия и авиация обрушилась на пролив, создавая непреодолимое, казалось бы, препятствие для переправы. Но час пробил, и ничто не могло остановить наши войска.

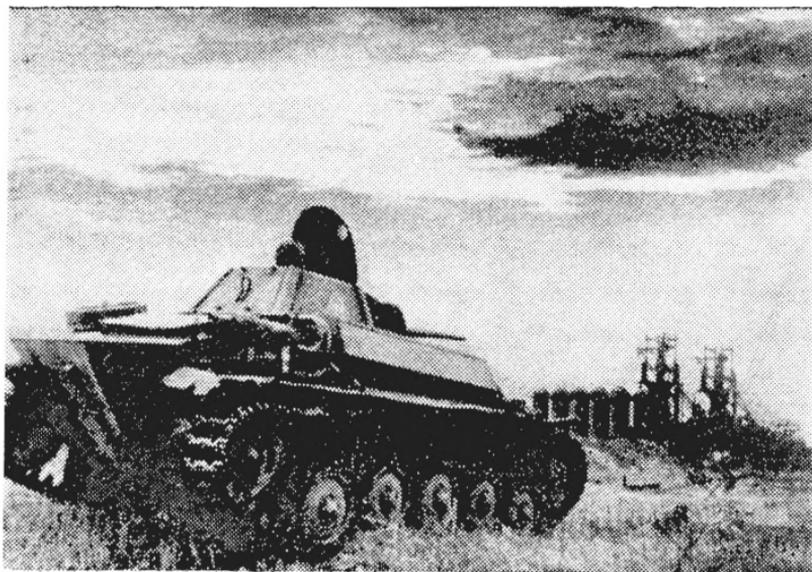
Плотность, огневая насыщенность обороны противника были исключительны, приходилось буквально прогрызать ее, и все же 56-я армия как бы отсекала у фашистов северо-восточную оконечность Керченского полуострова — от Азовского моря до окраин города, создала надежный плацдарм для недалекого уже весеннего наступления 1944 года, которое привело к полному и окончательному освобождению Крыма. Позже на базе 56-й была создана Отдельная Приморская армия, которой командовали сначала генерал И. Е. Петров, а затем генерал (впоследствии Маршал Советского Союза) А. И. Еременко. Ее поддерживали Черноморский флот, входившая в его состав Азовская военная флотилия и 4-я воздушная армия генерал-полковника К. А. Вершинина.

Наступившая в декабре некоторая стабилизация положения северо-восточнее Керчи позволила гитлеровцам еще яростнее обрушиться на эльтигенский «пяточок». Они били по нему с моря, с суши, с воздуха. Огненная земля истекала кровью. Ни должным образом поддержать ее, ни снять десант не удавалось. И тогда было принято новое решение. В ночь на 7 декабря эльтигенцы бесшумно оставили окопы и, сгруппировавшись в отряды, пошли на прорыв.

Впереди был двадцатикилометровый бросок по голой, холмистой степи, через топи Чурбашского озера. Это была страшная ночь для обессиленных за 36 дней непрерывных боев, а часто и израненных людей. Их было около 1800. К рассвету эльтигенцы вышли на южную окраину Керчи, с ходу смяв противника, захватили гору Митридат и примыкающий к ней небольшой участок берега с двумя причалами.

Еще четыре дня эльтигенцы сражались в Керчи. На помощь им морем были подброшены подкрепления из состава 83-й Новороссийской Краснознаменной бригады морской пехоты, однако силы по-прежнему оставались неравными. Против винтовок и автоматов гитлеровцы двинули танки и артиллерию. Десантники были оттеснены с Митридата и прижаты к берегу. В ночь с 9 на 10 и с 10 на 11 декабря их сняли тендеры и катера Азовской флотилии.

...Великая битва нашего народа с германским фашизмом продолжалась четыре года, в ней участвовали многие миллионы людей. Что, казалось бы, значат на этом огромном фоне эльтигенские сорок дней и ночей? Однако в этой операции как

Бои за освобождение Керчи.

в фокусе, сошлось столь многое и проявилось так ярко, выпетились такие человеческие черты, что само слово «эльтигонец» стало синонимом слова «герой».

Из 134 Героев Советского Союза, которые удостоены этого высокого звания в боях за Керчь, 61 получил Золотую Звезду за подвиги, совершенные в Эльтигенском десанте.

А северо-восточнее Керчи бои продолжались. На тоже сравнительно небольшом плацдарме совершались удивительные подвиги.

Первым водрузил красное знамя на прибрежной высоте 69,0 солдат Павел Тарасенко из 6-го гвардейского стрелкового полка 2-й гвардейской стрелковой дивизии. Он уничтожил расчет вражеского пулемета, бившего в упор по наступающим десантникам, а затем отбил с помощью этого пулемета контратаку гитлеровцев.

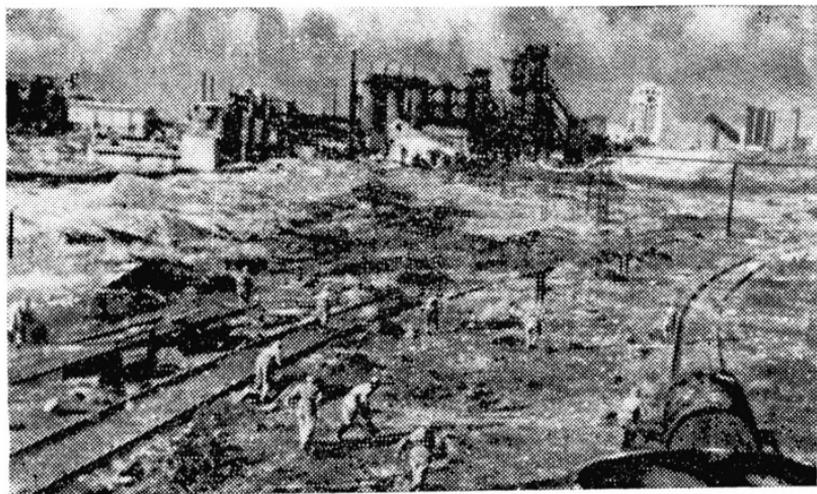
Главстаршина Павел Костенко закрыл своим телом амбразуру дота и обеспечил продвижение морских пехотинцев. В воздушных боях над проливом участвовали сотни самолетов.

На ближних подступах к Керчи.

Неоценимой была помощь моряков. Они поспевали всюду.

О внимании, которое уделялось Керченскому плацдарму, свидетельствует то, что сюда был прислан представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов (а еще ранее в качестве представителя Ставки побывал Маршал Советского Союза Г. К. Тимошенко).

Бой на территории завода им. Войкова.

Постепенно накапливались силы, плацдарм расширялся; в неимоверно трудных условиях зимнего штормящего моря высаживались новые десанты — на Азовском побережье и в проливе, непосредственно в Керченской бухте. Пять с половиной месяцев продолжались здесь упорные бои. 8 апреля начался штурм Перекопа войсками 4-го Украинского фронта.

10 апреля в 21 час 30 минут загрохотали орудия, начали рваться бомбы на Керченском плацдарме. Полчаса спустя войска Отдельной Приморской армии перешли в наступление. Командовавший в то время армией А. И. Еременко пишет: «...передовые батальоны 16-го стрелкового корпуса, которым командовал Герой Советского Союза генерал-майор Константин Иванович Провалов, и бригада морской пехоты ворвались в первую траншею и завязали упорные бои за город... Борьба за Керчь осложнилась тем, что гора Митридат долго оставалась в

руках вражеских войск. Когда наша пехота при поддержке танков штурмом овладела горой, это значительно облегчило занятие Керчи.

Таким образом, оборона врага, казавшаяся неприступной, к 4 часам утра 11 апреля была прорвана и части 16-го стрелкового корпуса генерала Провалова овладели городом и портом Керчь...»

Москва салютовала освободителям двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

Двадцать одной части и соединению армии и флота было присвоено почетное наименование «Керченских». Это

1449-й самоходный артиллерийский полк;

98-й гвардейский Краснознаменный артиллерийский полк;

1-я отдельная гвардейская минометная бригада;

98-й отдельный отряд;

9-я отдельная моторизованная разведрота;

63-й ночной бомбардировочный авиационный Краснознаменный полк;

366-й отдельный разведывательный авиационный полк;

329-я истребительная авиационная дивизия;

214-я штурмовая авиационная дивизия;

55-я отдельная корректировочная авиаэскадрилья;

97-й армейский моторизованный инженерный батальон;

102-й гвардейский авиационный Краснознаменный полк дальнего действия;

1-я бригада бронекатеров Азовской военной флотилии;

6-й дивизион малых охотников за подводными лодками Черноморского флота;

13-й отдельный дивизион катеров-тральщиков;

163-й отдельный артиллерийский дивизион Черноморского флота;

25-й истребительный авиационный полк ВВС Черноморского флота;

369-й отдельный батальон морской пехоты;

164-й отдельный авиационный полк;

192-й гвардейский авиационный полк дальнего действия;

58-й гвардейский отдельный батальон связи.

...День Победы отмечают повсюду в нашей стране, но немного найдется на земле мест, где бы он проходил на такой пронзительной, бьющей в самое сердце ноте, как в Керчи.

С утра 9 мая гора Митридат усыпана людьми. К простому и строгому обелиску Славы, к Вечному огню приходят тысячи людей. В это утро здесь весь город. Идут целыми семьями. Специально приезжают со всех концов страны, иногда очень

издалека. Такова притягательная сила этой суровой, каменистой земли.

Тут же возникают землячества. Во время войны землячком для москвича был москвич, для уральца — уралец. 9 мая собираются только керчане, потому что керчанами чувствуют себя все. А землячества возникают по полкам, дивизиям, бригадам морской пехоты...

Вот группа партизан Великой Отечественной войны. Среди них и совсем пожилые и сравнительно молодые еще люди — ведь в партизанские отряды уходили, бесстрашно сражались в них даже 15-летние мальчишки. Сейчас ветераны разъедутся по местам, где некогда были их базы, где выщербленные пулями стены подземелий до сих пор напоминают о боях, потерях и победах.

Самое большое землячество — приморцы, войны Отдельной Приморской армии. А это — эльтигенцы. У них есть свой большой памятный день — 1 ноября, день высадки. Но сегодня они вместе со всеми. Ведь это здесь, на Митридате, они рвали в клочья немецкую оборону. А потом они отправятся на пустынный, обрывистый берег, к скромному памятнику, который стоит на краю тихого села.

Пехотинцы, артиллеристы, летчики, катерники.... И небольшая группа — всего несколько человек — аджимушкайцев.

Следы минувшей Великой Отечественной войны вы обнаружите в Керчи и ее окрестностях едва ли не на каждом шагу. Керчане бережно хранят память о тех незабываемых днях, о героях, отдавших свои жизни в борьбе с коричневой чумой. Фасады некоторых зданий на митридатских улочках до сих пор испещрены оспинами: это следы бомбежек и артиллерийских обстрелов. На обрыве над Эльтигеном — Героевским до сих пор хранят угрюмое молчание железобетонные доты, которые пришлось штурмовать десанникам. Здесь еще встречаются старые траншеи, порывшись в которых можно найти и стреляную гильзу, и осколок снаряда, и проржавевшую каску.

На берегу, неподалеку от памятника, лежат извлеченные из моря остатки мотобота — одного из тех, на которых десантники, преодолевая шторм, под огнем противника форсировали пролив. Бережно сохраняются старая кузница, где находились раненые бойцы, и подземелье, в котором размещалась операционная. Комсомольцы-шефы привели помещения в порядок, снабдили пояснительными надписями, оградил якорными цепями.

Поселок Аршинцево кажется новым с иголки, но и здесь есть свои памятные места. Вы увидите на въезде памятник партизанам. Да и свое название этот поселок рудодобывчиков, рыбаков, агломератчиков получил в память о генерале Аршинце-

Керчь освобождена! Советские бойцы устанавливают красный флаг на воротах завода им. Войкова.

ве, Герое Советского Союза, командире 55-й гвардейской Иркутской ордена Ленина трижды Краснознаменной стрелковой дивизии имени Верховного Совета РСФСР, а затем — командире 11-го гвардейского стрелкового корпуса. До присвоения звания гвардейской 55-я дивизия именовалась 30-й стрелковой. Она прославилась в годы гражданской войны. Теперь ее бойцы опять освобождали Крым.

На углу улиц Кирова и Еременко внимание привлекает обелиск в честь «рыцарей неба» — воинов 230-й Кубанской штурмовой авиационной Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Рядом с обелиском на камне высечены слова:

Ваш грозный строй летит в века,
Сердца волнует вечным зовом.
Крыло к крылу, к руке рука
В военном воздухе суровом.

Строгая мемориальная стела установлена на воинском кладбище, памятник Герою Советского Союза летчице Вере Белик —

у школы в поселке Войково, где она училась. На средства, заработанные ребятами, поставлен у школы № 15 памятник Герою Советского Союза летчице Жене Рудневой.

А разве не являются своеобразными памятниками нашим воинам океанские промысловые траулеры, названные: «Герои Эльтигена» и «Герои Аджимушкая»!

Да и Царский курган, у которого вы обязательно побываете, — памятник не только седой древности. На его вершине был наблюдательный пункт аджимушкайцев, и здесь же проходил один из передовых рубежей их обороны.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

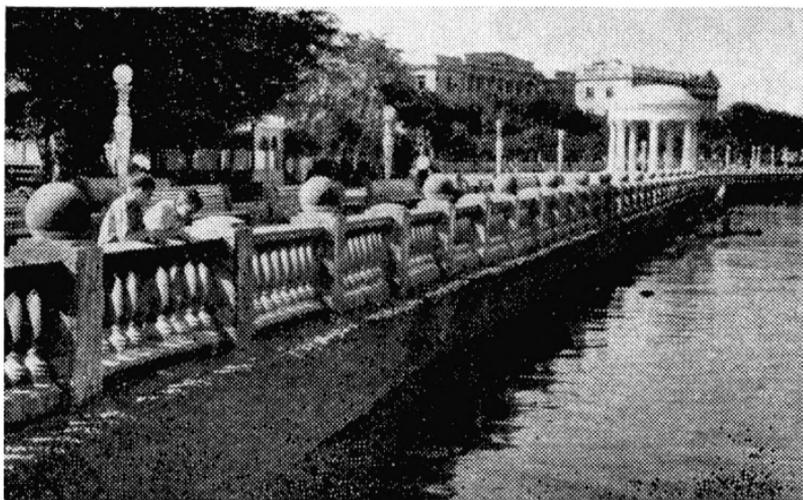
На гору Митридат можно приехать, можно, не спеша, прогуливаясь, прийти, а если вы молоды, можно и взбежать сюда по ступеням. Впрочем, преодолеть одним махом Большую Митридатскую лестницу не так просто — в ней более четырехсот ступеней, гора поднимается над уровнем моря на девяносто с лишним метров. И все-таки вы наверняка придете сюда не раз — просто полюбоваться далями с высоты птичьего полета, а может быть, и поразмыслить об увиденном и узнанном.

Митридат с его улочками, маленькими неожиданными площадями, каменными лестницами, уцелевшими кое-где булыжными мостовыми, с его памятными местами и археологическими раскопками заслуживает внимания. Лучше бы побывать здесь с музейным экскурсоводом (так больше узнаете), но и самостоятельная прогулка принесет немало впечатлений. Вид на город, бухту, на пролив и перегородившую его Среднюю косу (Тузла), на ближние мысы и кажущийся далеким возвышенный кавказский берег открывается изумительный.

Присмотревшись, на той стороне бухты можно различить Царский курган. А прямо у подножия Митридата — центральная площадь, где, как и повсюду в этом городе, причудливо переплелась, перемешалась глубокая старина с самой что ни на есть современностью. Новенький — стекло и бетон — универмаг соседствует с памятником истории — уже знакомой нам древней церковкой. И наверху — раскопки Пантикапея рядом с Вечным огнем и обелиском Славы в память о героях Великой Отечественной войны.

Площадь широка и красива. После войны она стала еще шире — были снесены разрушенные дома и на их месте разбит у театра имени Пушкина прекрасный тенистый сквер, место свиданий и вечернего отдыха.

Эта площадь, некогда место народных собраний, потом рынок, сейчас как бы очистилась, принарядилась и утвердилась в роли подлинного городского центра. Отсюда (и сверху это отчетливо видно) расходятся в разные стороны лучи основных магистралей Керчи.

Набережная в Керчи.

По касательной к горе Митридат скользнула и помчалась вдоль моря дальше к Камыш-Буруну улица Свердлова — бывшая Босфорская. Ее открывают дома, настолько не похожие и словно бросающие своим видом вызов другу другу, что о них, пожалуй, стоит сказать отдельно. В том доме, что ближе к морю, некогда помещалась таможня. Старинное здание со сводчатыми подвалами и оригинальной планировкой хорошо сочетается с кварталом особнячков, отделанных по фасаду лепными украшениями, домиков с милыми провинциальными крылечками и зелеными дворами. А напротив — современное здание Азово-Черноморского института рыбного хозяйства и океанографии (Азчерниро).

Странным может показаться, что на ступенях института часто видишь не только просоленных штормами всех широт моряков, океанографов и ихтиологов, — в вестибюль заглядывают люди, которые явно не имеют отношения ни к рыбному хо-

зьяству, ни к океанографии. Особенно любопытствуют дети: их привлекают выставленные здесь чучела морских чудовищ — рыбы-пилы, акул, большого ската-манты. В вестибюле второго этажа находится продолжение этого своеобразного музея — там множество кораллов, рыб, змей, чучело редкого морского животного дюгоня. Все это привезено научными сотрудниками института из дальних странствий.

А немного дальше по этой улице находится здание историко-археологического музея. Еще дальше — «ковш» рыбацкого порта.

По улице Свердлова можно выехать на обводную дорогу, которая разгружает центр города от машин, идущих на железнодорожный комбинат, рыбный порт, Аршинцевский рыбозавод...

Не менее важная магистраль — улица Кирова. Она тоже отчетливо просматривается сверху. Мимо судоремонтного завода и торгового порта с частоколом кранов на причалах, через железнодорожный переезд улица Кирова устремилась к заводу имени Войкова и дальше к паромной переправе. Особенно шумной становится трасса в разгар путины, когда днем и ночью кипит работа в рыбоперерабатывающих цехах, расположенных как раз вдоль этого пути в северной части пролива. Да и в обычное время к переправе спешит множество машин.

Улицы Свердлова и Кирова с примыкающими к ним жилыми массивами и предприятиями раскинулись словно два крыла. Начало третьему — центральному — выезду из города дает улица Ленина. До революции она называлась Воронцовской. Уже тогда по ней запрещалось движение гужевого транспорта. Сейчас улица полностью отдана пешеходам. Это торговый центр Керчи и место прогулок. Здесь нет больших зданий; прячущаяся под сводами старых деревьев улица мила и уютна. По вечерам в самом ее начале, у телеграфа, возникает цветочный базар, и это придает улице свой колорит.

Вечером на Ленинскойлюдно. Гуляют целыми семьями. О чем только не услышишь разговоров! Малыш серьезно объясняет тете, что папка сейчас проходит на своем судне Гвинейский залив — от него-де получена радиограмма; компания молодежи решает, куда отправиться в будущее воскресенье — на Среднюю косу или на Казантип; внимательно и ревниво разглядывают друг дружку местные модницы...

Улица Ленина невелика. Раньше она вела к Соборной площади. Теперь только старожилы помнят это название и то, что на месте жилого дома высился кафедральный собор, с колокольни которого 23 мая 1919 года ударил по восставшим керченским пролетариям пулемет...

Естественным продолжением магистрали — здесь она заполняется транспортом — является улица Пирогова. Она ве-

Гостиница «Керчь».

дет до прежней границы города. «Шлагбаумская» — это название сохранилось и до сих пор. Когда-то тут действительно был шлагбаум и смотрели друг на друга сказочные грифоны, олицетворявшие древний Пантикапей. На старом фотоснимке можно видеть этих грифонов и рядом с ними — мужика в опорках, погоняющего запряженную в телегу клячу. Чуть дальше — несколько домов-развалюх. На этом город кончался. Сейчас его граница далеко отодвинулась. На Феодосийское шоссе выводит улица Чкалова.

Итак, три основных магистрали. Нужно сказать, что в недалеком будущем положение несколько изменится. Улица Ленина по-прежнему останется местом прогулок и торговым центром.

Керчь — город благоустроенный.

А вот улица Кирова свое нынешнее транспортное значение теряет, и это, пожалуй, к лучшему: она станет протяженным зеленым бульваром с выходами к морю. А грузовой поток к паромной переправе пойдет от автовокзала (его здание тоже хорошо просматривается с горы Митридат) по улице Горького. Здесь же, по-видимому, ляжет и линия троллейбуса, в котором город испытывает явную нужду.

Выставка картин заслуженного художника РСФСР Н. Я Бута в Керченском историко-археологическом музее.

Любопытная деталь: в приморском городе набережная не была центром отдыха и развлечений. Это потому, думается, что к морю здесь испокон относились по-деловому, и берег всегда был прежде всего берегом, а не пляжем. Поэтому его застраивали амбарами, складами, верфями, причалами... Где уж тут гулять! Однако сегодня создана и благоустроенная набережная — она тянется параллельно улице Свердлова.

Когда смотришь на Керчь сверху, обращаешь внимание не то, что между районами города существует разрыв, они не сливаются в единое целое. Тому есть свои причины. Местами нельзя было строить, так как земля источена, изрыта каменоломнями; в других случаях не застраивались участки, которые были источниками водоснабжения города. Но так или иначе, сейчас все заметнее тенденция к слиянию районов.

Аршинцево, по-видимому, так и не соединится с центральной частью, но встречная застройка идет с обеих сторон. Активно осваиваются «тылы» горы Митридат, те ее пустынные склоны, которые, судя по всему, и в древности пустовали. От улицы Свердлова до прежней Солдатской слободки раскинулся массив современных домов и южная промышленная зона города. Застройка идет комплексно, микрорайонами. Застраивается промежуток между городом и заводом имени Войкова.

Керчь не рвется в высоту, но уже сейчас строятся экономичные и удобные девятиэтажные жилые дома.

Главная строительная организация здесь — трест «Керчьметаллургстрой», в котором работает около 10 тысяч человек.

В последние годы Керчь пережила некий качественный скачок. Какой-то период она находилась словно бы на распутье. Не стало после войны доменных печей и прокатных станков, уже не стлался над проливом дым, не полыхало, как некогда, во время пуска чугуна зарево. Осталась слава знаменитого завода имени Войкова. Но прежнюю славу нужно подкреплять новыми делами. И вот завод переживает второе рождение. Рядом со старыми корпусами встал 600-метровый цех-гигант, крупнейший в стране цех по производству эмалированной посуды. Просто ли цех? Здесь будут работать 2750 человек — больше, чем на ином заводе. Ежесуточно с конвейера будет сходить 100 тысяч изделий, а годовая продукция цеха — 25 тысяч тонн эмалированной посуды 52 наименований.

Новую славу принесли Керчи и судостроители. Ими создан первый советский супертанкер «Крым» водоизмещением 180 тысяч тонн. Это огромное судно длиной почти в 300 метров. Его надстройка высится над морем, как многоэтажный дом. Всем хорошо знакомые рейсовые теплоходы крымско-кавказской линии кажутся карликами рядом с ним. Танкер построен с учетом самых последних достижений техники, обеспечивающих безопасность мореплавания, большую сравнительно с зарубежными судами такого же класса скорость, удобство и надежность эксплуатации. Одновременно он может взять 150 тысяч тонн нефти.

Растет, расширяется производство и традиционной, так сказать, продукции. Консервная и рыбная промышленность требуют, к примеру, все больше тары, и ее выпуск с каждым годом

увеличивают бондарный и стеклотарный заводы. Но стеклодувы наряду с этим научились выпускать изящные художественные изделия. Керченское стекло получило известность.

Конечно, у города были и остаются свои трудности. В частности, большой проблемой Керчи на протяжении всех веков ее существования было водоснабжение. На Митридате можно видеть колодцы, построенные за несколько столетий до нашей эры. Не вырытые, а именно построенные — с такой тщательностью все было сделано. Количество пресной воды и поныне один из решающих факторов развития города, однако окончание строительства Северо-Крымского канала и создание новых водохранилищ помогли решить и этот вопрос. В Керчь по трубам пришла днепровская вода.

У города солидные планы. Предполагается строительство Дворца пионеров, кинотеатров, большого туристического комплекса, новых автостоянок, ресторанов, крытого рынка. О жилье говорить не приходится — темпы жилищного строительства все возрастают: если в восьмой пятилетке было сдано 5600 квартир, то в девятой справили новоселье около 9200 семей.

Меняются и окрестности. Многие ближайшие пригороды слились, по существу, с Керчью. Некогда самостоятельные поселки Старый Карантин, Камыш-Бурун, Капканы, Опасное воспринимаются сегодня просто как части города. Да они и есть его части.

В наш век, когда в хорошо обжитых областях рейсовым автобусом, на такси, попутной машиной, на мотоцикле или просто на велосипеде можно добраться едва ли не до каждой деревушки, само понятие «пригород» изменилось.

Люди за десятки километров отправляются на субботу или воскресенье по грибы, за ягодами, на рыбалку или просто в маленький поход с вечерним костром и ночлегом под открытым небом. В Керчи к разным видам транспорта может добавиться катер или лодка.

Мы уже упоминали о поездке автобусом в Героевское (кстати, неподалеку от этого села находятся раскопки античного города Нимфея), к Илурату, к Царскому кургану и Аджимушкayским каменоломням, но окрестности Керчи — ближние и дальние — дают возможность и для других прогулок.

...О купаньях в Азовском море и проливе некогда отзывались сдержанно: вода, дескать, недостаточно прозрачна и солонa. Но где еще она прогревается так рано и так быстро? Где найти такое раздолье для рыбалки и подводной охоты?

Здесь все еще немало целинных, «диких» мест, вместе с тем Керченский полуостров прочно входит в орбиту массового туризма. Это уже сейчас создает, а в будущем может создать еще большие проблемы, поэтому «курортные перспективы» Кер-

чи изучаются и анализируются, строятся пансионаты, профилактории, пионерские лагеря.

К этому нужно добавить, что окрестности города изобилуют минеральными источниками и лечебными грязями. Некоторые из них уникальны.

Всего в нескольких километрах севернее Керчи, неподалеку от села Бондаренково, находится Булганакская впадина. Пейзаж мрачный, полупустынный. И странные кратеры вокруг. Да это и есть кратеры грязевых вулканов. Извержения вулкаников чаще всего идут тихо и мирно — послышится бульканье, поднимутся пузыри газа, плеснет на край сопочки жидкая грязь... Но иногда вдруг раздастся подземный гул, вспучится земля, и возникает новый кратер.

К истинному вулканизму эти микроизвержения не имеют никакого отношения, но все-таки увиденное производит впечатление. Булганакские сопочные грязи, кстати сказать, являются прекрасным сырьем для изготовления стройматериалов, а главное — великолепным лечебным средством, широко известным, по меньшей мере, уже полтора века. Их нередко используют в комбинации с превосходными лечебными грязями лежащего неподалеку соленого озера Чокрак.

Когда-то на этой базе существовало «Чокракско-Булганакское грязелечебное заведение товарищества врачей города Керчи». У самого озера был санаторий, следы которого (источник пресной воды, немногие уцелевшие деревья и кусты, фундаменты разрушенных в войну зданий) можно видеть до сих пор. Качество лечения было высоким, стоимость — меньше, чем в Саках. В специальных книгах по курортологии до сих пор вспоминают этот редкостный комплекс рапы, сопочных, лиманных грязей, серных вод и морских купаний.

В прошлом веке местное грязелечебное заведение считалось одним из самых больших в Крыму; у коллекционеров до сих пор встречаются старые открытки с изображением уголка Чокракского парка. Керчане верят, что в недалеком будущем парк и курорт будут возрождены. Думается, для этого есть все основания.

Сейчас Керчь располагает благоустроенными пляжами с навесами, грибами, пресной водой, с предприятиями общественного питания на Аршинцевской косе и в поселке Старый Карантин. Летом их связывают с городом рейсовые катера и автобусные линии. А вместе с тем... Помнится, мы купались в небольшой бухточке с песчаным пляжем неподалеку от мыса Фонарь. Чуть мористее кувыркались дельфины. Они подпускали нас совсем близко, затем отдалялись без суеты и спешки и продолжали свое кувыркание, охотясь за рыбой. Так мы и плавали рядом, пока вдруг не послышались крики:

— Змея! Змея!

Человек выскочил на берег, как ошпаренный, а на поверхности воды вскоре действительно появилась змеиная головка с еще трепещущим бычком в зубах. То был водяной уж. Бояться его не следует и забрасывать камнями, как это нередко делают, не нужно, а понаблюдать под водой, как он охотится на бычков, любопытно. Где еще такое увидишь?..

Степь Керченского полуострова только кажется унылой и однообразной. Внимательный турист увидит и откроет здесь для себя много интересного. Да и не одну лишь степь найдете вы в этих местах. Человек, хорошо знавший еще дореволюционную Керчь, говорит о городе сегодня: «Самое разительное для меня в нынешней Керчи, самое невероятное — зелень. Чудо возрождения земли».

Но это чудо происходит не только в самом городе. По дороге в Аршинцево вы увидите на некогда пустынных склонах сплошной зеленый массив молодого леса. Совершая прогулки в сторону горы Опук и в сторону мыса Казантип, вы поразитесь все тому же чуду. Была полупустынная степь, где ветер гонял курай — перекасти-поле, а поднялись вдоль побережья леса. Каждое деревце, каждый кустик посажены и взлелеяны руками человека. И вот уже люди собирают здесь ягоды, берут грибы; из-под ног путника взвизгивает вдруг красавец фазан...

На склонах горы Опук вы встретите, если повезет, колонии удивительных розовых скворцов, а Казантип поразит вас скалами, гротами, пустынными бухточками.

Знакомясь с ближними и дальними окрестностями Керчи, вы, возможно, не раз наткнетесь на выходы из старых каменноломен. Добыча строительного камня — один из древнейших местных промыслов. Камнерезные карьеры существуют на полуострове и сейчас.

С катакомбами связано немало былей, преданий и легенд. Не поддавайтесь, однако, искушению сразу, без всякой подготовки отправиться на исследование этих подземелий. Их извилистые ходы тянутся иногда на километры, расчленены на несколько этажей, местами обрушились. Заблудиться и долго проблуждать впустую в старых выработках легче легкого. Но если серьезно подготовиться и отправиться в путь в сопровождении знающего человека, то перед вами откроются, быть может, поистине героические страницы минувшего: подземный госпиталь, узел сопротивления, надпись на стене, обрывок написанного еще во время войны письма, изъеденный ржавчиной штык...

А это что на потолке штольни? Не подносите огонь близко.

Вы наткнулись на колонию летучих мышей. Они висят вниз головой, завернувшись в перепончатые крылья и уцепившись лапками за едва приметные шероховатости камня...

Под землей могут случиться действительно неожиданные встречи и находки.

Но окрестности Керчи — это и то, что лежит за проливом, то, что некогда было азиатской частью Боспорского царства. Вы, возможно, захотите побывать в Тамани, Сенной, на Средней косе. Для этого придется воспользоваться рейсовым катером. Такая прогулка тоже обещает много интересного.

РЫБАЦКАЯ СТОЛИЦА

Как мы уже упоминали, древнее название Керчи — Пантикапей на одном из местных говоров означало «рыбный путь». Конечно же, это не случайно. Еще много веков назад были замечены закономерности передвижения некоторых рыб по Керченскому проливу. Весной хамса, сельдь, тюлька, кефаль идут в Азов, осенью возвращаются «на теплую воду», как говорят рыбаки, в Черное море (оно, естественно, охлаждается медленнее, позже, нежели Азовское, и практически не замерзает). В эти периоды массового хода рыбных косяков и разворачивается самый интенсивный лов — путина.

Керченский пролив и сейчас остается важнейшим рыбным путем, а Керчь — крупным центром добычи и переработки рыбы.

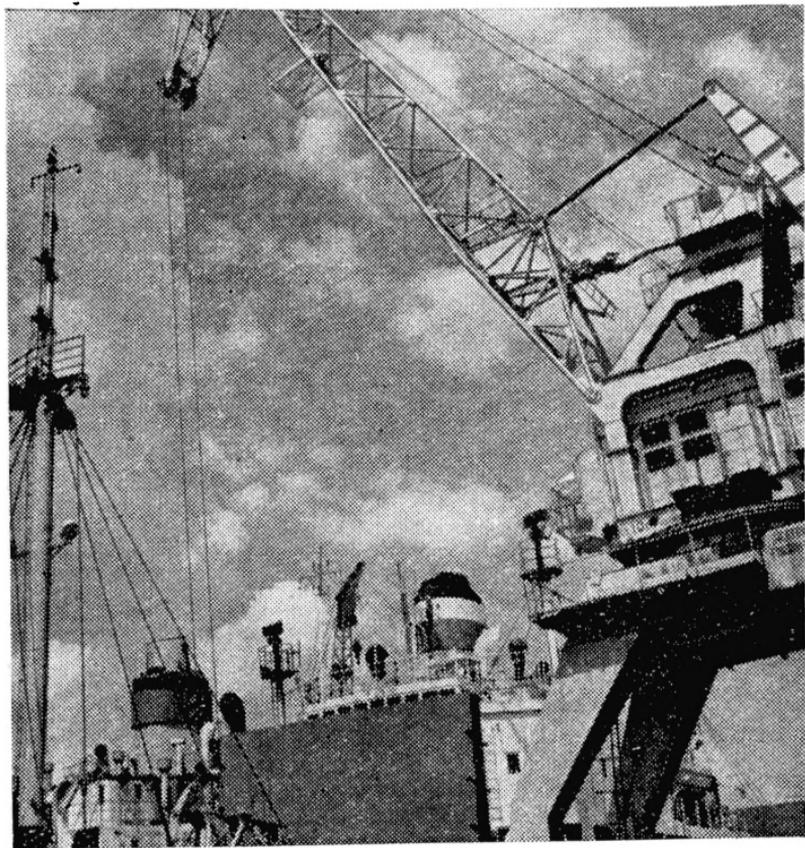
В историческом исследовании «О рыболовстве в Боспорском царстве» говорится, что «основными объектами промысла на Боспоре в греческих колониях античного времени являлись хамса, сельдь, севрюга, осетр, камбала, барабулька, или султанка, тарань, скумбрия. Основными орудиями лова рыбы на Боспоре были невод и крючья». Там же приводятся известные слова Страбона о том, что в проливе-де ловили «осетров, по величине не уступающих дельфинам».

Рыбный промысел во многом изначально определил характер, облик города, и это сразу бросается в глаза. И Керчь, и поселки, составляющие ее пригород, жмутся к морю-кормильцу. Они и возникли в глубокой древности как поселения рыбаков. Об этом сегодня говорят найденные археологами рыбозасолочные цистерны. Во время раскопок древних боспорских городов — Мирмекия (мыс Карантинный) и особенно Тиритакис (на южной окраине Аршинцева, рядом с электростанцией) были открыты десятки больших рыбозасолочных ванн.

Куда бы вы ни направились — к Камыш-Буруну или мимо

Еникале, Опасного к Жуковке — повсюду вдоль берега видны приметы рыбацкого промысла: стоящие на якорях сейнеры, колхозные причалы, возле которых на кольях развешаны сети, балаганы, где рыбаки складывают и хранят снасть, перевернутые подки... А в море неподалеку торчат гундеры — сваи, к которым крепят ставные невода.

Славою и гордостью Керчи была красная рыба. Царственно прекрасное изображение осетра некогда украшало пантикапей-

На причалах Керченского судоремонтного завода.

ские монеты. Красная рыба и черная икра — что уж тут говорить! — продукт действительно первоклассный. Попадались (да и теперь случаются) поистине огромные белуги весом до полутонны.

Но вообще-то как обстоит дело с рыбой сейчас?

К началу XX века запасы красной рыбы были изрядно подорваны. Да и немудрено. Ежегодно ее промыслили до 80 тысяч пудов. Пролив чуть ли не наглухо перекрывали снастями с тысячами крючков. Надзора за этим, по существу, никакого не было. В наше время промысел осетровых благоразумно запрещен для восстановления поголовья, а хамса и сельдь по-прежнему остаются во главе списка. Ежегодно сотни тысяч центнеров этой рыбы берут сетями. Отличные блюда готовят из свежей хамсы (рецепты приготовления насчитывают не одну сотню лет), но больше мы знаем керченскую хамсупряного посола. Керченская сельдь тоже не нуждается в специальной рекомендации. Ловят и камбалу.

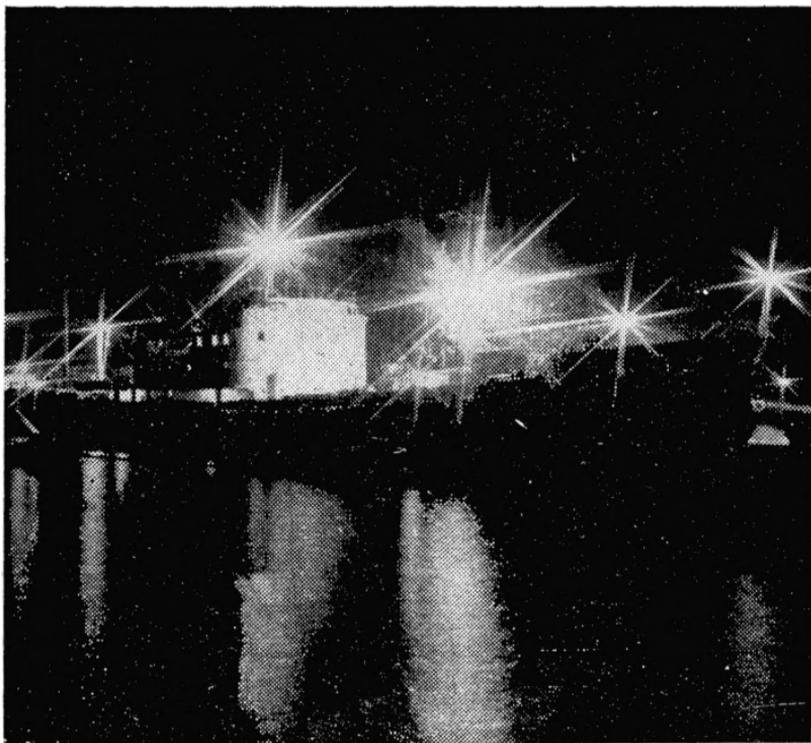
Значит, почти все осталось по-прежнему? Нет, конечно. Незизмеримо возросли масштабы, изменился сам характер промысла. Если раньше он был прибрежным, то теперь стал активным. Рыбаки уже не просто терпеливо ждут рыбу в издавна известных добычливых местах, а ищут ее. Современный флот и новые орудия лова позволили керченским рыбакам брать рыбу открытого моря — крупную ставриду («глазунью», как ее иногда называют), пеламиду, скумбрию у Кавказского побережья и в Одесском заливе.

Сегодня мы с улыбкой вспоминаем давно прошедшие времена. Сопоставлять их с нынешним временем — все равно, что сравнивать одноконную повозку с могучим зиловским самосвалом. Весельные и парусные баркасы, небольшие ручные невода кажутся нам примитивными, допотопными. Как можно было всерьез полагаться на эту «технику»? Нам странно, что с помощью таких средств и орудий лова местные рыбаки промыслили рыбу не только для себя, но и на вывоз. Очевидно, все дело в том, что людей было меньше, а рыбы больше. Производительные силы природы не нужно было считать, незачем было заботиться о воспроизводстве рыбных богатств — они казались неисчислимыми. Можно сказать, что человечество до поры не трогало основного капитала природы, жило лишь с процентов. И этого хватало. Такое положение сохранялось до сравнительно недавнего времени.

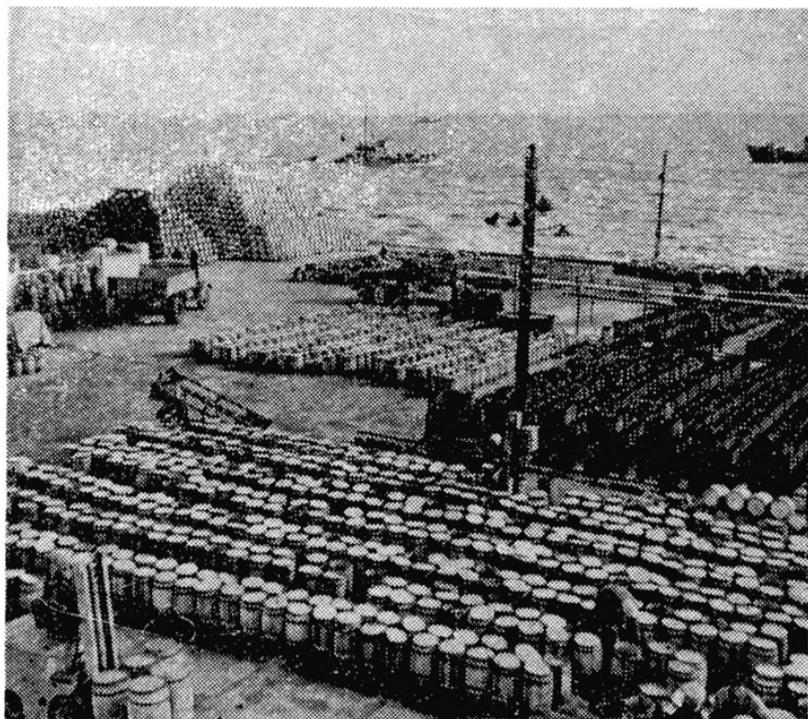
Нынче придется считать. В канун путины ученые Азово-Черноморского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, разведчики (в Керчи находится их главный штаб — управление рыбопромысловой разведки Южного бассейна) и промысловики прикидывают, что и сколько мож-

но взять. Просчета не должно быть — в последующие годы он выйдет боком. И поисковые суда-лаборатории неутомимо падут море, берут пробы, делают контрольные заметы, следят за перепадами температуры, за течениями, соленостью воды...

Да что — «в канун путины»! Эта работа ведется круглый год, без нее просто невозможно представить себе современный рыбный промысел. Дело в том, что другими ведь стали и природные условия района: «зарегулирован» Дон, изменилось устье Кубани — раньше, как мы уже говорили, ее дельта была значительно разветвленной, имела выходы и в Таманский залив, и в Черное море. Нынешний Таманский полуостров был некогда группой густонаселенных островов в дельте Кубани. Сейчас все это выглядит по-другому. Изменения происходили и естествен-

Керченский порт ночью.

Цех засолки Керченского рыбокомбината.

ным путем и благодаря активному вмешательству человека. Так или иначе, в природе происходят сдвиги, за которыми ученые пристально следят.

Тот же Страбон писал, что в его время на здешних берегах строили вышки, с которых наблюдали за движением рыбных косяков. Сегодня нужды в таких вышках нет. В распоряжении рыборазведки не только суда, но и самолеты. Летчик-наблюдатель может за несколько часов обследовать чуть ли не весь бассейн, нанести обстановку на промысловую карту и дать дельные рекомендации рыбакам. А в разгар путины летчики-рыборазведчики буквально висят над проливом, непосредственно наводят сейнеры на косяки, как бы дирижируют ловом.

Неизгладимое впечатление производит керченская путина. Здесь много своих рыбаков, но во время страды собираются

на лов сотни сейнеров и промыслово-транспортных судов со всех концов Азовского и Черного морей. Пирамиды из пустых бочек, горы соли соперничают высотой со степными курганами. На причалах, на громадных бетонных засолочных площадках рыбных цехов все в полной боевой готовности: рыбонасосы, транспортеры, прожекторы (работать придется днем и ночью)...

Кем бы ни был керчанин — агломератчиком, шофером, строителем, сталеваром или стеклодувом, как бы ни был далек по роду своих занятий от моря, — все его внимание приковано в эти дни к морю. Керчь живет ожиданием путины. Нет только рыбы. И вдруг, будто удар молнии:

— Рыба пошла!

Нужно видеть Керчь и Керченский пролив в эти дни! Ритм жизни становится стремительным, лихорадочным. Ведь у рыбаков, как и у хлеборобов, один день целый год кормит. У кого лучше судно, надежнее снасть, где опытнее капитан-бригадир, дружнее команда, туда и пожалует рыбацкое счастье — фарт. За один замет кошелькового невода берут иной раз до 500

В одном из цехов рыбокомбината.

центнеров рыбы — столько и в трюм сейнера не помещается, приходится звать на подмогу промыслово-транспортное судно.

Великая спешка, гонка. Она объясняется, кстати, не только присущим рыбакам азартом, но и тем, что путина в проливе приходится на тот период, когда погода неустойчива, когда того и гляди налетит шторм.

Одни сейнеры торопятся в район промысла, другие уже выметали сети, третьи качают рыбу насосами, четвертые, глубоко осев, зарываясь носом в свежую волну, спешат к причалам с добычей. И над всеми вьется, непрерывно закладывает виражи легкий двухмоторный самолетик рыборазведки.

— Я — «Чайка», я — «Чайка», — слышится из динамика, установленного на ходовом мостике судна, знакомый голос летчика-наблюдателя. — 89-й, полный вперед! Приготовиться к замету! — И мгновение спустя: — Отдать кляч!

В воду летит конец сети, а затем и вся она четкой окружностью поплавков словно вырезает кусок моря.

— Спасибо за наводку! — не забудет сказать на прощанье в микрофон капитан-бригадир, но летчик может и не ответить: ему не до любезностей, он опять занят — наводит на косяк следующий сейнер.

Даже просто назвать по именам всех замечательных керченских рыбаков — нелегкое дело. Любовь к профессии, мастерство здесь нередко передаются из поколения в поколение. Такие, скажем, фамилии, как Делега, Синеговский, трудно отнести к одному какому-либо человеку — это настоящие династии. И все-таки особым уважением пользуются ветераны — Герой Социалистического Труда В. К. Почтарь, Я. Д. Синеговский (оба они бригадиры прибрежного лова), капитаны-бригадиры С. Г. Делега, И. М. Трушин, А. Н. Петренко... Какие мастера! Иногда кажется, что у моря от них нет никаких тайн.

Раньше о начале, о ходе путины возвещали сигнальные костры и всадники, которые мчались вдоль берега. Сейчас сообщениями об этом буквально гудит эфир. Руководит всем штаб путины, возглавляемый опытнейшими людьми.

Город в дни рыбацкой страды переполнен. А у причалов откуда только не увидишь суда — из Вилково на крайнем северо-западе моря и из Батуми на крайнем юго-востоке... Поистине Керчь становится в эту пору рыбацкой столицей.

«Судно», «сеть» — издавна знакомые слова. Но суда теперь стальные, с мощными дизелями и электролебедками, с эхолотами и рациями. Сети сделаны из капрона. Даже крючковая снасть переменялась: когда суда уходят на промысел тунца в океан, огромные переметы крепятся к специальным радиобуям, автоматически посылающим сигналы в эфир, чтобы легче было потом найти буй в бескрайних просторах.

Да, океан... Не так уж много лет прошло с тех пор, как отсюда, из Керчи, отправился в свой первый океанический рейс БМРТ (большой морозильный траулер) «Жуковский». На рейс этот возлагались огромные надежды. Таких судов раньше не было у наших рыбаков. По сравнению с БМРТ даже красавец сейнер, которым мы всегда привыкли любоваться, казался скорлупкой.

С нетерпением и тревогой ждали возвращения траулера из долгого плавания. Шутка сказать, черноморские рыбаки впервые за свою историю шли на промысел в океан! Разговоров об этом рейсе хватило надолго. Ребята с «Жуковского» ходили в героях. Еще был Им сопутствовал полный успех. Новый промысловый район оказался перспективным, богатым рыбой. А потом были второй рейс и третий, дело стало обычным. И слова, которые с детства звучали так романтично — «пассат», «муссон» — стали для керченских рыбаков привычными словами. Овладев новым для себя делом, наши рыбаки пришли на помощь рыбакам из развивающихся стран.

Освоившись в Атлантике, керчане вышли и в Индийский океан. Большая часть рыбы добывается тралами, а тунца — крупную и сильную рыбу — ловят на крючья.

В Керчи было создано сперва Управление океанического рыболовства (КУОР), а затем все предприятия рыбной промышленности объединили в «Керчьрыбпром». Сейчас керчане располагают большими промысловыми судами, которые позволяют ловить рыбу практически во всех районах Мирового океана. Это — не считая множества сейнеров, фелюг и байд, ведущих промысел в прибрежных водах.

Для рыбаков Керчь не только родной город, но и порт приписки, база, где можно сдать улов, отремонтировать судно и отдохнуть команде. Эти свои функции Керчь выполняет особенно старательно. Хорошей традицией стала обязательная теплая встреча возвращающихся из океана судов. На причале увидишь родных и близких моряков, представителей общественности.

Керченский рыбный порт расположен, как говорят моряки, в «ковше» — замкнутом водоеме, связанном нешироким проходом с морем.

Сравнительно недавно на месте еще строящейся, но уже и теперь прекрасной гавани было небольшое соленое озерцо с теплыми берегами. А сейчас к бетонным причалам швартуются огромные океанские корабли, подведена железная дорога, здесь установлены краны, построен большой холодильник.

В разгар путины «ковш» дает пристанище и сейнерам, прибывшим на лов из других портов.

Расширение флота немыслимо без развития тылов. Керчь получила новые доки, реконструируется верфь, которая станет крупной судоремонтной базой океанического рыболовства.

Как известно, большую часть добычи суда, ведущие промысел в океане, перерабатывают сами. Тунцеловы и траулеры возвращаются с миллионами банок консервов, сотнями тонн филе, рыбной муки на борту. Но все же часть океанской продукции и рыбу местного улова перерабатывают в Керчи. Здесь находится крупный консервный завод и разветвленная сеть других рыбоперерабатывающих предприятий, продукция которых — копченая, вяленая, соленая, консервированная рыба — широко известна.

Такова рыбацкая Керчь — со своими традициями и укладом, со своими порожденными морем радостями, заботами, тревогами и ожиданиями.

А что в этом может открыть для себя приезжий?

Конечно же, гуляя по городу, совершая поездки и прогулки в его окрестностях, он будет любоваться кораблями — от огромных океанских левиафанов до юрких и быстрых сейнеров. Он почти наверняка увидит швартовку вернувшегося из дальнего похода траулера или рефрижератора и, присмотревшись, найдет на его крутых бортах отметины недавних жестоких бурь, или, может быть, станет свидетелем проводов корабля в далекий промысловый рейс.

После этого начинаешь по-новому смотреть на наших рыбаков, приходит обостренное понимание того, как нелегко и непрост их труд. Ведь промысловая обстановка, поиски косяков заносят иной раз рыбаков в такие отдаленные районы океана, где, кроме них, пожалуй, никого больше и не увидишь. Легко ли расстаться на полгода с невестой, женой или матерью, с сыном, который отчаянно машет руками и кричит что-то, стараясь привлечь внимание отца к себе...

А вы остались на берегу. Ну что ж, вы сможете отведать диковинные рыбные блюда у подножия горы Митридат, в керченском ресторане «Бригантина», где в вестибюле лежит якорь, стены разукрашены изображениями разных морских диковинок, а на одной из них есть даже карта... Конечно же, вы походите по рынку — каждый приходит сюда за таранкой или вялеными бычками... А как насчет собственной рыбалки? Шутники утверждают, будто азовский бычок клюёт даже на окурки. А что, если это и на самом деле так? На «самодур» в проливе ловят ставриду и скумбрию. Попытайтесь же и вы «сообразить» собственными силами рыбки на уху. Представьте себя хотя бы ненадолго тоже керченским рыбаком. А потом, после отпуска, расскажете друзьям, каково это...

МОРСКОЙ ПЕРЕКРЕСТОК

Да, немного, наверное, найдется в мире городов, в жизнь которых море вошло бы так глубоко и властно. Не только моряк или рыбак, но и железнодорожник, рудодобытчик, строитель, металлист оказываются здесь так или иначе связанными с морем. В самом деле, Камыш-Бурунский железорудный комбинат имеет свой прекрасно оснащенный порт, у железнодорожников тоже есть свой порт — порт Крым, из которого регулярно ходят к противоположному берегу Керченского пролива, к косе Чушке, где находится порт Кавказ, мощные теплоходы-паромы.

Главное назначение парома — переправлять на «ту сторону» железнодорожные составы, но им пользуются и многочисленные автомобилисты и просто местные жители. Можете воспользоваться паромом и вы, чтобы переправиться на таманский берег.

Морская железнодорожная паромная переправа через Керченский пролив играет важную роль в жизни не только города, но и всего прилегающего края. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на карту. Раньше Керчь была железнодорожным тупиком, теперь она стала транзитным пунктом. Через Керчь идут в обе стороны пассажирские поезда по маршрутам Симферополь—Баку, Севастополь—Свердловск, Ленинград — Новороссийск, Симферополь — Уфа, Мурманск—Новороссийск, Симферополь—Иркутск и т. д. (Здесь будет уместно сказать, что Керчь связана прямым железнодорожным пассажирским сообщением также с Москвой, Киевом, Львовом, Днепропетровском). Для того чтобы доставить груз из Крыма или, скажем, из Николаева, Херсона на Кавказ, отпала необходимость гнать поезда лишних 500 километров вокруг Азовского моря.

Переправа через пролив — давняя проблема и керчан и таманцев. Одно время действовала канатная дорога... Мечтали

о мосте, и усилий в этом направлении предпринимали немало, но уж больно сложны, неблагоприятны геологические условия. Мощная паромная переправа и стала своеобразным мостом между Крымом и Кавказом. Она представляет собой сложный комплекс сооружений по обе стороны пролива. Теплоходы-паромы надежны и мореходны, оснащены современным навигационным оборудованием.

А в недалеком будущем несколько севернее паромной переправы предполагается перегородить пролив плотиной. Пока это — проект, но уже сейчас можно сказать, что сооружение будет уникальным.

Гидроузел должен состоять из насыпной земляной плотины, двух шлюзов для пропуска судов и водосброса с 34 пролетами (по 14 метров каждый), через которые будет проходить рыба.

Назначение гидроузла, во-первых, в том, чтобы предотвратить дальнейшее засолонение Азовского моря, которое пагубно отражается на его рыбных запасах (со временем будет восстановлен прежний, наиболее благоприятный уровень солености воды), а во-вторых, плотина будет иметь большое транспортное значение — по ней пойдут поезда и автомобили.

Береговая полоса в окрестностях Керчи только в немногих местах оказывается свободной — почти в каждом мало-мальски подходящем месте видишь большие и малые причалы. Но, конечно, главное место среди них занимает собственно порт Керчь, или Торговый порт, как его называют. Он — один из старейших на Черном море. В 1971 году отмечалось его 150-летие.

В ознаменование этого события установлен памятный знак с текстом указа об учреждении в Керчи Торгового порта.

«Порт Керчь расположен в вершине Керченской бухты...

В порту имеются буксиры и баржи. Причалы порта оборудованы кранами...

В порту Керчь можно принять жидкое топливо и воду, которая подведена ко всем причалам Широкого мола.

Порт Керчь связан с общей железнодорожной сетью страны и имеет паромное сообщение с портами Черного и Азовского морей».

Слова «паромное сообщение» воспринимаются как милый анахронизм и дань своеобразному стилю. Судите сами. Экспрессная линия Керчь — Анапа — Новороссийск — Геленджик — Туапсе — Лазаревка — Сочи. На ней ходит великолепный теплоход на подводных крыльях «Комета-7». На линии Одесса — Жданов — Одесса курсирует современный теплоход «Молдавия». Такие же современные суда заняты на линиях Батуми —

Жданов, Одесса — Ростов, Сочи — Ростов. Это вам не старые дымные пароходы, а элегантные белоснежные суда, путешествие на которых всегда приятно.

...Краны, мачты, трубы, гудки — напряженная жизнь большого порта. Корабль, словно на пьедестал поднятый плавучим доком. Днем — обычный шум работ, ночью — завывание ревуна, перемигивание огней... Все это придает городу удивительный колорит, неповторимый облик.

Однако нынешнее положение создалось не сразу. Было время, когда «керченский морской перекресток» несколько захирел.

Парусно-гребные суда древних мореплавателей были сравнительно невелики, и здешние малые глубины их не особенно смущали. В гавани Пантикапея могли поместиться 30 кораблей. Но уже появление больших парусников усложнило навигацию. Как мы знаем, «Крепость» Петра I шла через пролив с осторожностью.

Появление пароходов в XIX веке привело к тому, что в Керчи основные грузовые операции производились на рейде, который до наших дней сохранил название Перегрузочного рейда. Грузы на суда доставлялись баржами.

Морское значение Керчи поддерживалось отчасти тем, что для судов, следовавших из Черного моря в Азовское, был введен в 1821 году обязательный «полный карантин». Об этом напоминают сегодня названия поселка — Старый Карантин и мыса — Карантинный. Уже в то время Керчь была перевалочным пунктом в заграничной торговле.

В начале XX века порт был модернизирован и с тех пор все время улучшается. Для прохода крупнотоннажных судов с большой осадкой землечерпалками прорыт в проливе Керчь-Еникальский канал, огражденный светящимися буями и вехами. Этот морской путь производит немалое впечатление, когда «идешь», как говорят моряки, по нему впервые. Строгие правила определяют порядок движения. Иначе нельзя

Ответвления от канала позволяют большим судам заходить в керченские порты — Камыш-Бурунский, Рыбный, Торговый и к причалу судоверфи.

Мы уже много раз упоминали о Керченском проливе, но не пора ли сказать о нем подробнее? Тем более, что пролив играет важнейшую роль в жизни города и в немалой степени даже определяет эту жизнь. Замерз пролив — это событие в жизни горожан; в проливе шторм — и чьи-то сердца в тревоге; кто-то сел на мель — чрезвычайное происшествие; в пролив зашла хамса — начинаются великие хлопоты путины...

Но прежде всего это водный путь, по которому проходит ежегодно множество судов. Конечно, на таких бойких международных магистралях, как Гибралтарский пролив, Ла-Манш или

Скагеррак, интенсивность движения во много раз больше, но и в Керченском проливе жизнь не прекращается ни на минуту.

Что же касается трудностей плавания, то их, к сожалению, больше, чем хотелось бы. И все-таки давайте совершим это плавание. Хотя бы мысленно.

Итак, наше судно пересекло линию, соединяющую мысы Такиль (на западном берегу) и Панагия (на восточном берегу). Оба мыса хорошо приметны и оба окаймлены рифами. Мы вошли в пролив с юга, со стороны Черного моря. Тут нужно смотреть в оба, следить за светящимися знаками и вехами. Мореплавателя поджидают и мели, и скалы, и затонувшие суда. Только небольшие суденышки да суда, совершающие здесь постоянные, ставшие привычными рейсы, продолжают путь дальше на север самостоятельно. Поскольку мы с вами в проливе впервые, то в условном месте, возле светящегося буя, дождемся лоцмана — пайлота, как называют их моряки.

Лоцманы — опытные моряки, знающие каждую мель и банку, каждую пядь морского дна и все капризы местных течений. А пролив не так уж и мал. Его длина 22 мили — около сорока километров. Пролив коварен. Здесь часты сильные ветры, нередки туманы. Представьте себе: вокруг сплошная серая пелена; на мгновение ветер разорвал ее, показался берег и опять пропал. За это мгновение лоцман должен «определиться», установить, где находится судно.

Керченские лоцманы умеют работать в труднейших условиях и хорошо это доказали во время войны. В январе 1944 года лоцманы Ф. Л. Букша и Б. Е. Соколов ночью, под ожесточенным огнем противника с абсолютной точностью провели десантные суда к цели — прямо к причалам Керченского порта. И так бывало не раз. Каждый десант проводил к месту высадки лоцман.

Мы идем меж холмистых берегов. Западный — Крым, восточный — Тамань. Восточный берег пролива в старину называли иногда «Керченским Кутом». Так сказано, в частности, в известии Потемкина о том, что Екатерина II «пожаловала» эти земли запорожским казакам для поселения.

Пролив широк. Наибольшая его ширина 25 миль. Да и в самом узком месте около двух миль. А путь корабля узок — проход Керчь-Еникальским каналом требует осторожности и внимания. Поэтому так строги правила плавания в нем: запроси разрешение на вход, не смей обгонять другие суда, уступи дорогу судну с более глубокой осадкой, нельзя останавливаться и, тем более, разворачиваться...

Буквально каждый метр движения точно расписан и определен. Ни одна сухопутная дорога не знает столь строгих ограничений. Около такого-то буя — принять лоцмана, а возле та-

кого-то сделать поворот на столько-то градусов, выйти на створ таких-то маяков и с такой-то скоростью двигаться дальше.

Древний путь. В сентябре 941 года флотилия «моноксилев» князя Игоря, потерпев поражение у Босфора, была вынуждена отступить. В устье Днепра русских ждала засада печенегов. Что делать? Корабли ушли через Керченский пролив. Как давно это было!.. А сейчас слева от нас — Камыш-Бурунская бухта, над которой высятся порталные краны, дымят трубы аглофабрики и ТЭЦ. Из ковша выходит светло-серый сейнер, а навстречу ему медленно движется теплоход с грузом донецкого угля.

Берег возвышен и обрывист. А справа впереди — низменная, плоская коса Тузла, Средняя коса, как ее еще называют. «Средняя», потому что она действительно лежит посреди пролива и перегораживает его. Но, строго говоря, сейчас это не коса, а остров. Сильнейший шторм в 1925 году размыл часть косы и образовал широкую промоину. Промоина мелководна, но во время войны через нее не раз прорывались наши суда. Пройти обычным фарватером было невозможно, немцы держали его под огнем своих батарей.

На Средней — рыбный цех, поселок, дом отдыха. Но для керчан, которые катером добираются сюда в субботние и воскресные дни, главное на косе-острове — первозданная тишина, изумительный вид на окрестности, рыбалка и песчаные пляжи.

Район Тузлы требует от мореплавателя сугубой осторожности, близ оконечности косы немало подводных препятствий. Однако судно, придерживаясь отмеченного вехами фарватера, идет уверенно и наконец минует «узкость». Позади нас осталось Аршинцево, далеко позади — легендарный Эльтиген—Героевское. Пролит резко раздается вширь, но по-прежнему хорошо видна на керченском берегу зубчатая цепь легендарных курганов. Такая же издали малозаметная цепь тянется и на восточном — таманском берегу. В курганах азиатской части Боспора были тоже сделаны замечательные, обогатившие науку находки.

Глубоко вдающийся в сушу Таманский залив мелководен. На его берегу станицы Тамань, Сенная. Здесь 25 августа 1792 года высадились прибывшие на гребных судах 3847 запорожских казаков, которым предстояло освоить этот край, стать кубанцами.

Здесь побывали Пушкин и Лермонтов. Пушкин упомянул это одной фразой в письме брату: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма». Лермонтов написал прекрасный рассказ «Тамань». Пушкин плавал по этому проливу. Вспомните фразу из того же письма: «Морем приехали мы в Керчь...» Как бы ни была сложна об-

становка, лоцман не имеет права на ошибку, судно должно прийти в порт назначения в срок.

Берега сдвинулись ближе. Нет, недаром турки именно здесь построили свою Новую крепость — Еникале — да еще и выдвинули от нее в море каменную платформу, чтобы до предела сжать фарватер. Недаром здесь вспыхивали ожесточенные сражения в Великую Отечественную. От длинной, плоской косы Чушки на кавказском берегу, кажется, рукой можно дотянуться до гористых и обрывистых, изрезанных бухточками берегов Крыма.

Пересекаем фарватер паромной переправы. К кромке берега сплошной цепочкой жмутся рыбацкие селения.

Наконец за мысом Фонарь пролив словно распаивается в сторону Азовского моря. Уже видны его северные ворота: слева — мыс Хрони, справа — мыс Ахиллеон. Впереди — седой от закипающей волны Азов.

Вот и все путешествие. Покамест мы совершили его мысленно, но на теплоходе одной из Азово-Черноморских линий вы можете проделать этот путь и в действительности. А можно ограничиться и меньшим. Прийти утром на морской вокзал, купить за рубль билет и пересечь пролив в самом широком месте, побывать на Средней косе, в Тамани и тем же теплоходом «Пион» вернуться обратно. На теплоходе «Гелеодор» можно добраться дальше — до Сенной. А на прогулочной «Радуге-6» вас, если захотите, просто покатают по Керченской бухте. Это тоже интересно: увидеть с моря панораму города, глянуть на замыкающие бухту мысы Белый и Змеиный, полюбоваться издали горой Митридат, посмотреть вблизи, как скучают на рейде трудяги-теплоходы и легкомысленно порхают вокруг них легкокрылые яхты.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Города, как и люди, обладают каждый своим характером. В этом очерке мы пытались разобраться в характере Керчи.

Многое роднит ее с Севастополем, Новороссийском, Одесой. Это и высокое звание города-героя, и близость исторических судеб, и то, наконец, что все они — крупные черноморские порты, хотя у каждого порта своя особенность, своя специализация. Особенно много общего у Керчи с ее боевым побратимом Новороссийском. Оба они и внешне неброски, даже будничны, это поистине города-работяги. Однако же каждый город, как и человек, — неповторимая индивидуальность. И, нужно добавить, каждый город, как и человек, редко застывает в жесткой неизменности. Время и обстоятельства накладывают свой отпечаток.

Было время, когда Керчь воспринималась как глухой провинциальный угол. Сейчас она, откуда ни глянь, лежит на бойких магистральных путях. И в самом прямом смысле и, так сказать, в переносном. Нынешняя Керчь — важный транспортный узел, ее торговый порт приобрел международное значение — через него идут советские грузы в страны Ближнего Востока. Она лежит и на магистральных путях технического прогресса. Одно из свидетельств этого — бороздящий моря и океаны супертанкер «Крым»...

Даже тысячелетние курганы отступают, случается, под неуловимым напором жизни. Город меняется, и это добрые перемены. Как не радоваться зелени, свету, простору!..

Меняются и люди. Уходит в прошлое колоритнейший тип керченского рыбака — отчаянного забулдыги, которому все ни почем, эдакого мужика с крепкой шеей, большими, грубыми руками, докрасна обветренным лицом, сыплым голосом и своеобразным говорком: он говорит не «рыба», а «риба».

Этот человек зависел от малейших капризов стихии, мог полагаться только на собственные руки, смекалку и чутье. Рыбачье счастье — фарт — воспринималось как нечто мистическое, Нельзя было говорить, куда идешь на промысел, нельзя загадывать наперед, нельзя даже высказывать надежду...

Керчанка—второй пилот АН-2 Керченского аэропорта Ира Рыкавицина.

Нынешний рыбак тоже не обижен ни здоровьем, ни смелостью, но вместо паруса и весел у него мотор, вместо прежнего «дубка» — светло-серый стальной красавец сейнер с эхолотом, рацией, лебедками, рыбонасосом... Рыбак-радист, рыбак-навигатор, рыбак-механик, даже рыбак-летчик — вот кто он такой сегодня.

Около 40 процентов занимает в промышленности города рыбная промышленность. Даются эти проценты нелегко. Вот выписка из вахтенного журнала научно-поискового судна «Скиф»:

«Туман — 760 часов. Шторм — 7—10 баллов — 1199 часов. Шторм в 10 баллов и более—123 часа. Два циклона — «Жанетта»

и «Хильда» — со скоростью ветра 31,5 метра в секунду...».

Данные только по одному рейсу. Правда, все это происходило со «Скифом» вдали от родных берегов, но ребята-то на нем плавают нашенские — плоть от плоти, кость от кости керченских рыбаков. И порт приписки «Скифа» — Керчь.

Да и здесь, в проливе, бывает нелегко. Зимой и осенью срываются жестокие штормы. Страшная буря разразилась над Азовом, проливом и прилегающим районом Черного моря несколько лет назад.

Досталось всем, однако особенно тяжелое испытание выпало морякам-железнодорожникам паромной переправы. Вздумай они пережить непогоду, нарушилось бы регулярное движение поездов. И паромы сквозь бурю и мглу шли через пролив. Люди действовали мужественно и в полном соответствии с хорошей морской практикой. Последнее, поверьте, хотя сдержанная, но высокая похвала.

...Керчь знает себе цену — цена эта всегда была немалой.

Пансионат строителей треста «Керчьметаллургстрой» на берегу Азовского моря.

Она сохранила сложившийся в течение десятилетий характер рабочего города и вполне соответствующий ему облик. Вместе с тем и ее характер и облик в самые последние годы приобрели некоторые новые черты. Главная из них, пожалуй, — интеллигентность.

Конечно, Керчь осталась Керчью. Но, как и повсюду, а может, и в большей степени, чем повсюду, здесь выросла тяга к знаниям, к образованию. А иначе просто нельзя, без этого не создать те предприятия, которые появились, ту продукцию, которую они выпускают.

В городе с населением в 145 тысяч человек есть высшее учебное заведение — общетехнический факультет Севастопольского приборостроительного института, техникумы — горномеханический, судомеханический, металлургический, медицинское училище, шесть профессионально-технических училищ... О школах — общеобразовательных, вечерних, сменных, музыкальных — и говорить не приходится. Едва ли не каждый год город получает отличные современные школьные здания со спортзалами, кабинетами, мастерскими, лабораториями.

В небольшой, по существу, Керчи сейчас 11 библиотек для взрослых, 3 детские городские и 23 школьные, 16 профсоюзных и 22 ведомственные. Их книжный фонд перевалил далеко за полтора миллиона томов. Для сравнения скажем: в 1953 году в Керчи было 48 библиотек. Сухие цифры, но все-таки сопоставьте их.

Любовь к родному городу, уважение к истории необходимы человеку. В Керчи эти черты развивают с детства. Их воспитывает сам город, который ушел своими корнями в толщу веков, но молодо тянется зелеными побегами к солнцу. Любовь керчан проявляется по-разному. В том, что многие ветераны Великой Отечественной, воевавшие здесь, так и осели на этой земле. В том, что город становится красивее, чище. В популярности местной газеты «Керченский рабочий» (издается с 1921 года). В том, как керчане говорят о нынешних достижениях и о будущем своего города-героя. Даже в том, что и как они о нем пишут. Да, появляется все больше стихов, очерков, рассказов, повестей о Керчи, написанных самими керчанами. Они сочиняют музыку, создают картины и скульптуры, планируют новые кварталы.

Много разного было за двадцать шесть столетий существования Керчи. И сам город был разным — всякий раз возрождался в новом качестве. Набирал силы, громко заявлял о себе в мире то звоном мечей, то грохотом пушек, а сейчас — трубным гласом заводов, фабрик и кораблей.

Ратный подвиг города-героя находит продолжение в повседневном трудовом подвиге керчан.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

КЕРЧЕНСКИЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

(улица Свердлова, 22, телефон 2-05-02; автобусы № 3, 5, 6).
ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМЕ СРЕДЫ

Керченский музей — один из старейших в нашей стране. По его экспозиции вы можете ознакомиться с историей древнего Боспорского царства, столица которого Пантикапей находилась на месте нынешней Керчи.

Специальные отделы музея посвящены революционному движению в Керчи, борьбе против интервентов и белогвардейцев, вкладу трудящихся города в социалистическую индустриализацию страны.

С большой полнотой в экспозиции освещен период Великой Отечественной войны и послевоенного строительства.

ФИЛИАЛЫ МУЗЕЯ

Раскопки Пантикапея на горе Митридат.

Лапидарий в церкви Иоанна Предтечи.

Мирмекский — античное городище (поселок Войкова, Московская ул., автобусы № 1, 11, 18, 19, 24).

Крепость Еникале (поселок Сипягино, автобусы № 1, 18)

Нимфей — раскопки античного города (поселок Героевское; проезд автобусами № 5 и 25 до райисполкома и далее автобусом «Аршинцево — Героевское»).

Царский курган — уникальный памятник IV века до нашей эры (поселок Аджимушкай, автобус № 4).

Аджимушкайские каменоломни — база партизан в гражданскую и Великую Отечественную войны, подземная крепость, в которой 170 дней сражались советские бойцы в 1942 году (поселок Аджимушкай, автобус № 4).

С мая по октябрь музей организует автомобильные экскурсии по достопримечательным местам города.

КЕРЧЕНСКОЕ ЭКСКУРСИОННОЕ БЮРО

проводит тематические экскурсии по городу и окрестностям:

Керчь — город-герой.

Огненная земля Эльтигена.

Герои Аджимушкай.

Никто не забыт, ничто не забыто.

Пионер-герой Володя Дубинин.

По местам боев северо-восточнее Керчи.

Славный путь керченского комсомола.

Герои и подвиги бессмертны.

По Керченскому проливу.

Керчь — археологический заповедник.

Кроме того, организуются морские экскурсии на Таманское побережье и производственные — на стеклотарный завод и железорудный комбинат.

С помощью бюро вы также можете ознакомиться с городами-героями Севастополем и Новороссийском, совершить поездку по Кавказу (до озера Рица), побывать на Южном берегу Крыма, в Феодосии, Судак, Новом Свете, на Кара-Даге, в Бахчисарае и «пещерном городе» Чуфут-Кале, в заповеднике Аскания-Нова.

Все справки по телефону 2-96-66.

ТРАНСПОРТНЫЕ СПРАВКИ

АВТОБУС доставит вас из Керчи в Краснодар, Симферополь, Севастополь, Ялту, Евпаторию, Феодосию, Джанкой.

Пользуйтесь междугородным такси — принимаются заказы по телефону 2-01-27 с 7 до 19 часов.

Основные маршруты городского автобуса: автовокзал — порт Крым, автовокзал—Аршинцево, Мичурина—автовокзал—станция техобслуживания.

В летний период действуют пляжные линии: автовокзал—Аршинцевская коса, автовокзал—Героевское, автовокзал—Юркино, автовокзал—Курортное, автовокзал—Новониколаевка.

Вызов городского такси — по телефону 2-01-27 (7—19 час.), 2-56-90 (19—23 час.).

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА — самый удобный транспорт для дальних поездок.

Через Керчь идут поезда: Симферополь—Баку, Севастополь—Свердловск, Симферополь—Уфа, Симферополь—Саратов, Ленинград—Новороссийск, Мурманск—Новороссийск, Симферополь—Иркутск, Симферополь—Красноярск, Киев—Новороссийск, Симферополь—Новокузнецк.

Пользуйтесь поездом Москва—Керчь и беспересадочными вагонами до Ленинграда, Киева, Мурманска, Днепропетровска.

Городская железнодорожная билетная касса — ул. Горького, 1/9, тел. 2-11-26.

Справочная железнодорожного вокзала — тел. 26-2-21.

АЭРОФЛОТ соединяет Керчь с Москвой, Киевом, Харьковом, Запорожьем, Днепропетровском, Симферополем, Донецком, Одессой, Херсоном, Ждановом, Ростовом, Краснодаром, Анапой, Лазаревской, Темрюком, Старотиторской.

Все необходимые справки можно получить в аэропорту (тел. 2-93-16), в городском агентстве (ул. Горького, 1/9, тел. 2-04-21) и в его отделениях — на автовокзале (тел. 2-46-98), в пос. Аршинцево (Дом быта «Снежинка», тел. 3-30-31), пос. Войкова (Дом быта, тел. 4-29-15, доп. 2-68).

При аэропорте есть гостиница, столовая, буфет.

В Керчи можно приобрести билеты на самолеты, вылетающие из Симферополя.

МОРСКОЙ ФЛОТ своими регулярными линиями Ростов—Севастополь, Ростов—Сочи, Жданов—Батуми, Жданов—Одесса с заходом в Керчь связывает в период навигации, т. е. с апреля по ноябрь, Керчь со всеми крупнейшими советскими портами Черного и Азовского морей.

Особой популярностью пользуется линия Сочи—Керчь, которую обслуживает теплоход на подводных крыльях типа «Комета». На быстроходных судах этого типа с пересадками можно покрыть все расстояние от Ростова до Батуми (расписание состыковано).

Пользуйтесь местными линиями: Керчь—Средняя Коса—Тамань—Гаркуши — Сенная; Керчь — Средняя Коса — Тамань; Керчь—порт Кавказ; Пляжная линия.

Все справки — на морском вокзале: ул. Кирова, 12, тел. 2-81-5-56.

Сведения о нужном вам адресе, о сдаче жилья для приезжих, о расписании движения транспорта можно получить в бюро горсправки — ул. Ленина, 32, тел. 2-11-32 и в квартирно-посредническом бюро при гостинице «Керчь», тел. 2-90-11.

БЫТОВЫЕ УСЛУГИ

Пункты проката хозяйственно-бытовых вещей спортивного, пляжного, туристского инвентаря находятся:

№ 1 — в центре города, пл. Ленина, 2, тел. 2-03-35.

№ 2 — в Ленинском районе, ул. Казакова, 37 (ателье «Космос»).

№ 3 — в районе автовокзала, ул. Горького, 22.

№ 4 — в Аршинцево, бульвар Пионеров, 1.

Срочный ремонт часов: мастерская в универмаге «Чайка» и на ул. Ленина, 37.

Обслуживание фотолюбителей — проявление пленки и печатание снимков — в фотографии на Центральном рынке.

Ремонт электробритв сумок, портфелей, кожаной галантереи в мастерской по ул. Пирогова, 16. Принимаются срочные заказы

Гостиница «Керчь» (ул. Кирова, 11) находится в самом центре города, рядом с морским вокзалом, почтой, телеграфом, универмагом.

При гостинице имеются ресторан, кафе, парикмахерская.

Телефон дежурного администратора 2-12-04.

ЕСЛИ ВЫ ПРОГОЛОДАЛИСЬ,

вас сытно и вкусно накормят в ресторанах

«Керчь» (ул. Кирова, 11, тел. 2-11-60).

«Бригантина» (ул. Ленина, 47, тел. 2-10-20).

«Митридат» (летний ресторан на горе Митридат, тел. 2-03-12).

«Горняк» (пос. Аршинцево, тел. 36-40-27).

«Рыбачий стан» (пос. Аршинцево, 3-41-03 и 3-41-04).

«Металлург» (пос. Войкова).

ЧТО ЧИТАТЬ О КЕРЧИ

Археология и история Боспора. Сборник статей. Симферополь, 1952.

С. Башарин. Керченская руда. Симферополь, 1960.

В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947.

Борьба за Советскую власть в Крыму (документы и материалы). Симферополь, 1961.

В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958.

В катакомбах Аджимушкая. Симферополь, 1970.

В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.-Л., 1949.

В. Ф. Гладков. Десант на Эльтиген. М., 1972.

Е. Голубцова. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951.

Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме. Симферополь, 1969.

Дорогой тысячелетий. Экскурсия по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.

А. И. Зубков. Керченско-Феодосийская десантная операция. М., 1974.
Керчь героическая. Воспоминания, очерки, документы. Симферополь, 1974.

А. И. Козлов. В крымском подполье. Симферополь, 1952.

В. Кокурин. Катера штурмуют пролив. М., 1971.

И. Марченко. Город Пантикапей. Симферополь, 1974.

Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1954.

А. Никаноркин. Сорок дней, сорок ночей. М., 1974.

Ан. Первушин. Дороги, которые мы не выбрали. М., 1974.

Сборник. Керчь героическая. Симферополь, 1974.

Н. Сирота. «Так сражалась Керчь», Симферополь, 1968.

Г. А. Цветаева. Сокровища причерноморских курганов. М., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЧНЫЙ ГОРОД	8
ШАГИ РЕВОЛЮЦИИ	30
«ДАЕШЬ ЧУГУН!»	38
ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ	44
НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	71
РЫБАЦКАЯ СТОЛИЦА	82
МОРСКОЙ ПЕРЕКРЕСТОК	92
ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ	98
СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ	103

Станислав Кононович Славич

ГОРОД-ГЕРОЙ КЕРЧЬ

Очерк-путеводитель

Издание 2-е, дополненное

Редактор А. Ф. Кузнецов

Фото Л. И. Яблонского, В. Н. Игнатовой

Художник Ю. Н. Белькович

Художественный редактор В. В. Купчинский

Технический редактор И. Т. Литвинов

Корректоры Н. В. Губанова,

С. А. Павловская.

Сдано в набор 31. III 1975 г. Подписано к печати 16. I 1976 г. БЯ 03005. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Объем: физ. печ. л. 3,25; усл. печ. л. 4,22; уч.-изд. л. 6,05. Цветные иллюстрации на мелованной бумаге: усл. печ. л. 0,65; уч.-изд. л. 0,59. Тираж 100 000 (2 завод 50.601—100.000) экз. Заказ № 66. Цена 47 коп.

Издательство «Таврия». Симферополь, ул. Горького, 5. Типография издательства «Таврида» Крымского обкома Компартии Украины. Симферополь, прое́пект Кирова, 32/1.

Аджимушкайские каме

Багерово

Войково

Курган Куль-Оба

КЕРЧЬ

Курган Кара-Оба

Золотой курган

Илурад

Аршинцево

Приозерное

Героевское (Эльтиген)

Осовины

Оломни

Глазовка

Осовинский курган

Крым

Еникале

Кавказ

Тамань

Крымский
Менский

47 коп.

